

СВЯТЫЕ
РАВНОПОСТОЛЬНЫЕ
КИРИЛЛ
И
МЕФОДИЙ

Москва
2011

УДК 235.3
ББК 86.372
К 43

*Рекомендовано к публикации Издательским
Советом Русской Православной Церкви
(ИС 11-025-2802)*

К 43 **Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий.** —
М.: Благовест, 2011. — 192 с.
ISBN 978-5-9968-0111-4

Предлагаемый вниманию читателей настоящий сборник «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий» содержит жизнеописания святых братьев, сведения об их прославлении и почитании во всем мире. Кроме того, в него включен молитвенный раздел и ряд приложений.

Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

**УДК 235.3
ББК 86.372**

ISBN 978-5-9968-0111-4

© Издательство «Благовест» — текст,
оформление, оригинал-макет, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ежегодно 24 мая в славянских странах отмечается церковно-государственный праздник, на котором чествуют память святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия – просветителей славян. Создав в IX веке славянскую письменность, они открыли славянам путь к просвещению, как духовному, так и светскому. Основной их задачей было дать славянам богослужение и Священное Писание на родном языке. Одновременно, благодаря их трудам, славяне получают широкую возможность для развития самобытной светской культуры.

Сразу же по приобщении к трудам святых братьев национальная культура расцветает сначала в Моравии, Паннонии, Чехии и Хорватии. Затем такой же культурный подъем происходит в Болгарии и Сербии. И, наконец, с принятием христианства, славянская грамота, созданная святыми Кириллом и Мефодием, приходит на Русь. Последующие несколько веков – так называемый домонгольский период – один из самых блистательных в истории нашей Родины.

Однако сами святые братья Кирилл и Мефодий дороги нам не только, как просветители и создатели славянской азбуки и церковно-славянского языка. Их собственный духовный путь дает нам прекрасный пример верности единству Церкви. В тяжелейших условиях, подвергаясь нападкам и гонениям, они

не допускали и мысли о церковном разделении. При этом они старательно избегали всяческих политических интриг и не поступались ни моральными, ни догматическими принципами. Безупречность их жизни и служения не могла оставить современников – от государей и Предстоятелей Церквей до диких кочевников – равнодушными. Многие, общаясь со святыми братьями, проникались огромным уважением к их личностям и служению. Те же, кому их жизнь служила обличением, напротив, озлоблялись и стремились стереть с лица земли и самих святых братьев и дело их жизни – христианское просвещение на славянском языке.

Однако же дело их жизни, несмотря на гонения, не погибло, но и поныне приносит великие плоды в духовной и культурной жизни славянских стран.

Предлагаемый сборник предназначен для широкого круга читателей. Он содержит жизнеописания святых братьев, сведения об их прославлении и почитании; рассказывает о наиболее значимой части их наследия, а также включает в себя молитвенный раздел и ряд приложений.

Анна Маркова

ЖИТИЕ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КИРИЛЛА

Детство

Как и его старший брат, святой равноапостольный Мефодий, святой Кирилл происходил из семьи знатных уроженцев Фессалоник – друнгария Льва и его супруги Марии. Имя Кирилл – это монашеское имя – в миру святого звали Константином.

Самый младший ребенок в семье, Константин, родился около 827 года. Как и для старших детей, Мария взяла для новорожденного Константина кормилицу, но ребенок решительно не хотел брать чужой груди, так что мать, наконец, должна была кормить его сама. Вскоре после рождения младшего сына его родители решили воздерживаться от плотского общения. В то время среди благочестивых людей Византии подобные обеты были не редки.

С ранних лет Константин отличался большими способностями к учебе. Казалось, на нем лежало особое благословение. Когда ему было около семи лет, ему приснился сон, о котором он рассказал родителям: «Собрал стратег всех девиц нашего города и обратился ко мне: «Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество». Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми

ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть мудрость. Ее избрал». Его родители, будучи людьми благочестивыми, истолковали этот сон в духовном плане. Друнгарий Лев сказал сыну: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь – светильник закону и свет. Скажи мудрости: «Ты сестра моя» и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой – от многих зол избавишься с ее помощью».

Поэтому когда родители отправили его учиться начальным наукам – грамматике, поэтике и риторике, он вскоре преуспел в этих науках так, что все изумлялись. И учителя и соученики отмечали, что Константин отличается необыкновенной памятью и прилежанием. К тому же большую часть своего свободного времени он, стремясь к новым знаниям, посвящал чтению.

При этом он не гнушался и обычными детскими забавами. Жизнеописание святого сохранило один из таких случаев. Как то раз, вместе с детьми других именитых граждан Константин пошел на ястребиную охоту. Но вместо радости, которой он ждал, охота кончилась для него несчастьем: когда он спустил своего ястреба, поднявшийся страшный ветер сбил птицу с круга и угнал так далеко, что она более не возвращалась к своему хозяину. Это приключение повергло Константина в страшное горе – мальчик был так расстроен, что два дня ничего не ел. Но затем, поразмыслив о случившемся, он сделал вывод о

тщетности мирских удовольствий: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направляюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу».

После этого он гораздо больше времени уделял учебе и чтению книг. Его любимым автором был святитель Григорий Богослов. Константин учил места из него наизусть и в детском восторге от него написал ему на стене своей комнаты маленький панегирик: «О, Григорий, телом человек, а душою Ангел! Ты плотью человек, Ангелам уподобился. Уста твои, как одного из Серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». Предположительно, Константин начал свое знакомство с сочинениями Григория Богослова с собрания его стихов. Этот отдел сочинений более доступен пониманию подростка.

Когда Константину было около четырнадцати лет семью постигло большое горе – умер его отец. У ложа умирающего супруга Мария больше всего переживала о судьбе младшего сына: «Не забочусь ни о чем, – говорила она, – только об одном этом ребенке, как он будет устроен». На это умирающий муж отвечал ей: «Если Бог так щедро наделил нашего сына Своими дарами, то и в будущем не покинет его Своей милостью, – верь мне, Бог будет его отцом и попечителем».

Годы учебы

Перейдя к изучению более сложных произведений святителя Григория Богослова, Константин столкнулся с определенными трудностями. Дабы постичь все произведения любимого автора, он хотел продолжить свое образование, но в Фессалониках не было подходящего наставника.

Он решил обратиться к некоему человеку, приехавшему в Фессалоники, о котором шла слава, как о знатоке грамматики. Константин умолял его, говоря: «Сделай доброе дело, научи меня грамматическому искусству». Тот же на все жаркие просьбы и мольбы юноши решительно отвечал: «Не трудись, отрок. Я зарекся никого не учить этому до конца дней своих». Вновь Константин чуть не со слезами умолял его: «Возьми всю причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Однако знаток грамматики не захотел и слушать его.

Поняв, что все усилия напрасны, Константин оставил его, и, вернувшись домой, стал горячо молиться о том, чтобы исполнилось желание сердца его. Бог не посрамил упования юноши. Покровитель друнгария Льва и благодетель всего семейства, логофет Феоктист, узнав о способностях Константина и о его желании учиться, пригласил юношу в Константинополь дабы он учился у лучших наставников, преподававших впоследствии юному императору. Константин с радостью отправился в путь, молясь Богу: «Боже отцов наших и Господь милос-

ти, Который словом сотворил все и премудростью Своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными Тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с Твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно Тебе, я спасся. Я раб Твой и сын рабыни Твоей».

Приехав в Константинополь, Константин с радостью приступил к учебе. Круг тогдашнего образования составляли: грамматика, риторика и диалектика, изучаемые в низших классах, и арифметика, геометрия, музыка и астрономия, составлявшие курс высших классов. Грамматику, с которой началось учение, Константин прошел всего в три месяца. После грамматики Константин постепенно прослушал все остальные науки, уделив также большое внимание чтению античной литературы. Между наставниками его были: Лев Философ, человек, удивлявший в свое время обширной и глубокой ученостью не только соотечественников, но и иностранцев и славившийся в особенности как отличный знаток математики, астрономии и механики, и святитель Фотий Великий, впоследствии Константинопольский Патриарх, ученостью изумлявший современников и потомков. В то время святитель Фотий был государственным сановником, но, несмотря на это, величайшим счастьем для него было видеть окруженным себя толпами юношей, с которыми он мог делиться своими многосторонними и глубокими сведениями. Этот наставник скоро почтил Константина самой искренней дружбой.

Своими отличными способностями, прилежанием к учению, смиренным нравом и изящной наружностью Константин выделялся между своими товарищами, обратив на себя общее внимание императорского двора. А его благодетель, логофет Феоктист, дал ему власть над своим домом.

Как-то раза логофет спросил Константина: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Константин тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». Ответ Константина изумил логофета, так что он захотел больше узнать о философии. После этого Константин неоднократно беседовал с Феоктистом о философии.

По достоинству оценив способности Константина, логофет Феоктист решает ввести юношу в круг своей семьи. Однажды он сказал Константину: «Я привязался к тебе; у меня есть крестница; она красавица собой, с очень богатым приданым и из самого знатного семейства. Если захочешь, отдам тебе ее в жены. Что касается до твоего положения, то я берусь устроить его наилучшим образом: при моем старании лет через пять, через шесть сделают тебя страстигом». Но Константин отказался от выгодного брака: «Предлагаемое тобой – великий дар для того, кто в этом нуждается. А для меня нет ничего лучше учения, и я решительно ничем

Константин Философ

не хочу себя обязывать. Но, снискав мудрость, буду искать себе богатство нашего прадеда – Адама, оставленное в раю».

Поняв, что юношу не удержать соблазнами житейского честолюбия, логофет обратился к царице, сказав: «Этот юный философ не привязан к здешней жизни, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в чтецы при Патриархе. Может быть, так и удержим его». После этого Константин был рукоположен во чтеца и поступил на службу хартофилаксом (хранителем библиотеки) – в то время это была значительная административная должность в Патриархии.

Константин Философ

На должности хартофилакса Константин пробыл недолго – духовная карьера была также чужда ему, как и светская. Вскоре он, подав прошение об отставке, тайно скрылся из Константинополя. Он поселился в небольшой иноческой обители на побережье Мраморного моря. Почти шесть месяцев Константин провел в уединении. Затем, поиски, предпринятые его благодетелем, логофетом Феоктистом, увенчались успехом, и Константин был возвращен в столицу.

Но, несмотря на все уговоры, он отказался вернуться к прежней должности. Тогда ему предложили преподавать философию. Он согласился. С тех пор за ним и укрепилось прозвище – Константин Философ. Среди учеников Константина были и византийцы, и чужестранцы.

Примерно к этому же времени относится диспут Константина с бывшим Патриархом-иконоборцем Иоанном Грамматиком. В то время лишенная власти партия иконоборцев была еще достаточно влиятельна, так что свергнутый с престола Иоанн Грамматик мог говорить: «Силою прогнали меня, а, не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Действительно, среди столпов тогдашней учености многие разделяли заблуждения низверженного Патриарха, так что найти ему оппонента было достаточно трудно. Только святитель Фотий Великий мог считаться достойным противником Иоанна, но в то время он был крупным государственным сановником, что могло быть расценено, как очередной этап государственного давления на иконоборцев. Поэтому оппонентом Иоанна Грамматика стал лучший из учеников святителя Фотия – Константин Философ.

Увидев, что в противники ему выбрали юношу, Иоанн Грамматик, будучи уже глубоким старцем, почел это за насмешку и сказал: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» На это Константин Философ ответил ему: «Не держись людского обычая, но помни Божии заповеди: если ты смотришь на свою седую бороду и свое старое тело, то твое старое тело точно так же из земли, а не из другого материала, как и мое молодое, и, смотря на землю, нечего ею гордиться, а душа и у меня точно так же от Бога, как и у тебя. Так что не гордись, человек, умением спорить».

Тогда Иоанн Грамматик ответил: «Осенью не ищут цветов, и старика Нестора не гоняют на войну, как какого-нибудь юношу; как же тебе не стыдно требовать, чтобы я в моем дряхлом возрасте спорил с тобой?» И вновь Константин Философ не остался в долгу: «Сам на себя навлекаешь обвинение. Скажи, в каком возрасте дух сильнее тела?» Иоанн ответил: «В старости». Тогда Константин спросил: «На какую битву тебя гоним: на телесную или на духовную?» Тот ответил: «На духовную». Поэтому Константин отвечал: «Тогда ты сейчас сильнее будешь, потому не говори нам таких притч. Ибо не ищем ни цветов не вовремя, ни на войну тебя не гоним».

Затем Иоанн Грамматик повернул разговор в другую сторону и сказал: «Скажи мне, юноша, почему кресту, если он поврежден, не поклоняемся и не целуем его. А вы, и если изображение только по грудь, не стыдитесь честь ему как иконе воздавать?» Константин же ответил: «Крест имеет четыре части. И если одна из них пропадет, то он уже своего образа не сохраняет. А икона только ликом и являет образ и подобие того, кто на ней написан. Не львиный ведь образ, не рысий видит тот, кто на нее смотрит, а первообраз». И опять сказал Иоанн: «Как вы поклоняетесь кресту и без надписи, хотя были и другие кресты, иконе же, если не имеет она надписи, чей это образ, не творите почести?» Константин Философ отвечал: «Всякий крест

подобен Христову кресту. А иконы не имеют все одного облика».

Затем Иоанн спросил: «Бог заповедал Моисею: не сотвори себе кумира и всякого подобия; как же вы кланяетесь, вами же сотворенным, иконам?» Константин отвечал на это: «Если бы сказано было: не сотвори себе никакого подобия, то ты вправе был бы ссылаться, но сказано: не сотвори всякого, то есть сотвори только достойное подобие».

Победа в этом споре принесла Константину широкую известность в столице Империи.

ПОСОЛЬСТВО К САРАЦИНАМ

Несмотря на упорное стремление Константина уклоняться от государственной службы, его не оставили в покое. Около 850 года между византийцами и арабами произошел ряд приграничных стычек, потребовавший срочного выяснения отношений. Для этого из Византии в столицу Халифата Самарру было отправлено посольство, возглавляемое асикритисом Георгием. В состав посольства был включен и Константин Философ. Причем на него рассчитывали не только, как на знатока языков, но и как на богослова, поскольку арабы недвусмысленно намекали на возможность проведения религиозных диспутов.

По прибытию посольства в Самарру, еще до начала переговоров и диспутов, мусульмане решили испытать остроумие византийцев. По приказанию халифа на домах, где жили хрис-

тиане, чтобы подвергнуть их поруганию, были нарисованы изображения демонов, обезьян и свиней. Показав это зрелище византийцам, арабы попросили Константина истолковать увиденное, говоря: «Можешь ли понять, философ, что это значит?» Он же отвечал: «Я вижу на дверях домов изображения демонов и думаю, что внутри домов живут христиане: демоны не могли жить с ними, бежали от них вон; а там, где нет знамений снаружи, демоны живут внутри домов, вместе с обитателями».

Впоследствии действительно имели место и диспуты. В отличие от официальных переговоров они велись во время долгих торжественных застолий, на которые халиф аль-Мутаваккил пригласил многих из арабских мудрецов.

На одном из таких застолий некто из ученых арабов спросил Константина: «Видишь, философ, дивное чудо – божий пророк Мухаммед принес нам благую весть от Бога и обратил в свою веру многих людей. И все мы соблюдаем закон и ни в чем не нарушаем. А вы, держащие закон Христа, вашего Пророка, один так, другой иначе, как кому нравится, так и веруете и исполняете их». На это Константин Философ отвечал: «Бог наш подобен пучине морской. Пророк же о нем говорит: «Род Его кто разъяснит? Ибо взимается от земли жизнь Его». И ради этих поисков многие в пучину ту входят. И сильные умом, богатство мудрости Его принимая, переплывают и возвращаются. А слабые, как в сгнивших кораблях пытаюсь переплыть,

одни тонут, а другие с трудом едва могут отдышаться, немощной отдаваясь лени. А ваше учение – узкое и удобное, и его всякий может перескочить: и малый и большой. Нет в нем ничего, кроме людского обычая, но только то, что могут делать все, а ничего другого вам пророк ваш не заповедал. Если он не запретил вам гнев и похоть, а допустил их – то в какую вы будете ввергнуты пропасть? Имеющий ум да разумеет. Не так Христос делает, но снизу тяжкое возводит кверху верою и действием Божиим. Ибо Творец всему создал человека между Ангелами и животными, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от Ангелов. И кто к какой части приближается, той и становится причастен – высшей или низшей».

Арабские мудрецы вновь спросили его: «Как вы, если Бог един, в трех Его славите? Скажи, если знаешь. Отца называете и Сын и Дух. Если так говорите, то и жену Ему дайте, чтобы от того многие боги расплодились». На это же Константин ответил: «Не говорите такой бесчинной хулы. Мы хорошо научились от святых отцов и от пророков, и от учителей славить Троицу: Отец, и Слово, и Дух, и три ипостаси в единой сущности. Слово же воплотилось в Деве и родилось ради нашего спасения, как и ваш пророк Мухаммед свидетельствует, написав следующее: «Послали мы дух наш к Деве и пожелали, чтобы родила». Поэтому я извещаю вас о Троице». Мусульмане были вынуждены удовлетвориться таким ответом.

Затем они сказали Константину Философу: «Но если Христос – Бог ваш, почему не делаете того, что Он велит? Ведь написано в ваших евангельских книгах: «Молитесь за врагов. Делайте добро ненавидящим и гонящим». А вы поступаете не так: обиды, которые бы вздумал наносить вам какой-нибудь другой народ, вы отражаете оружием». Константин ответил вопросом: «Если две заповеди есть в законе, кто совершеннее соблюдает закон: тот, кто одну сохранит, или же обе?» Получив ответ, что последний, он продолжал: «Бог сказал: «Молитесь за обижающих». Но еще Он сказал: «Нет больше той любви в этой жизни, как если кто положит душу свою за друзей своих». Ради друзей мы делаем это, чтобы с пленением тела и душа их пленена не была».

Продолжая диспут, мусульмане обратились от богословия к политике, сказав: «Христос давал дань и за Себя и за вас. Как же вы не творите того, что Он делал? И уж если вы защищаете себя, то почему вы не даете дани такому великому и сильному народу исмаилитскому за братьев ваших и друзей? Ведь мы мало и просим: только один златник. И пока стоит земля, сохраним между собой мир, как никто другой». Задавая такой вопрос, арабы имели в виду то, что еще при императрице Ирине, после неудачной войны с Халифатом, византийцы обязались платить ежегодную дань. Затем император Никифор Геник попытался было отказаться от нее, но потерпев тяжелое поражение от ара-

бов, должен был платить дань, и притом самым унижительным образом: вместе с тридцатью тысячами золотых монет ежегодной дани за всю Империю он обязался давать эту же дань, по три золотых монеты, за себя самого. Именно об этом и спрашивали Константина Философа. Но благодаря остроте своего ума, он вновь вышел из затруднительного положения, спросив: «Когда Христос дань платил, чья была власть: исмаилитская или римская?» И ответили они: «Римская». Тогда он сказал: «Следовательно, и не должно зазирать нас, ромеев, что мы не желаем платить дани другому народу».

После это были и другие диспуты и беседы; причем мусульмане беседовали с Константином Философом не только о вере, но и о различных науках и искусствах. Пораженные обширностью его знаний сказали ему: «Как ты все это знаешь?» Он же ответил им следующей притчей: «Некий человек, зачерпнув воды из моря, в бурдюке носил ее. И гордился, говоря: «Видите ли воду, какой никто, кроме меня, не имеет?» Но встретил он однажды жителя побережья, который сказал: «Не безумен ли ты, похваляясь всего лишь смердящим бурдюком? А у нас такой воды бездна». Так и вы поступаете. Но все науки заимствованы вами у нас».

Задетые притчей Константина Философа арабы стали показывать ему все великолепие своей страны. «Не находит ли философ, что великая сила и многое богатство халифа должны возбуждать удивление?» – говорили они. Отвечал он:

«Хвала и слава принадлежит Богу, Который сотворил все это и дал на утешение людям».

Раздосадованные спокойствием Константина, оппоненты даже попытались его отравить, но Бог хранил его. После этого случая он вернулся в Константинополь.

УДАЛЕНИЕ В МОНАСТЫРЬ

После завершения посольства Константин на некоторое время вернулся к преподаванию философии. Но затем он, оставив все, удалился в уединение. Что побудило его к этому, точно неизвестно. Одни исследователи полагают, что причиной тому послужила трагическая гибель его благодетеля, логофета Феоктиста, убитого по проискам соперника кесаря Варды – дяди императора Михаила. Согласно мнению других – руководителем Магнаврской академии, где трудился Константин Философ, был назначен Лев Математик – тайный иконоборец, так что как иконопочитатель Константин не мог работать под его началом. Может быть, обе эти причины сделали невозможным пребывание Константина в столице.

Пребывание в уединении было одновременно и пребыванием в добровольной нищете. Однажды в великий церковный праздник прислужник, вместе с Константином оставивший столицу, огорчился, что у них нет ничего для этого праздничного дня. Но Константин сказал ему: «Накормивший некогда израильтян в пустыне, Тот подаст и нам здесь пищу. А ты пой-

ди, позови хотя бы пятерых нищих, надеясь на Божию помощь». Бог не оставил уповающего на Него. Когда настало время обеда, внезапно к ним пришел некий человек и принес много разной еды и десять золотых монет.

Некоторое время спустя Константин узнал, что его старший брат Михаил принял постриг в одном из монастырей на горе Олимп. Получив это известие, он решил перебраться к брату.

Переселившись в обитель, Константин, в отличие от брата, не принял постриг, но, тем не менее, подчинил свою жизнь монастырскому уставу. Совместно с братом, ставшем монахом Мефодием, он участвовал во всех богослужениях и послушаниях, а свободное время братья посвящали чтению книг и изучению различных наук. Так братья провели несколько лет.

Подготовка к Хазарской миссии

Около 860 года в Константинополь прибыло хазарское посольство. Хазарский правитель – каган – просил императора Михаила прислать в Хазарию человека, сведущего в богословии, для участия в богословском диспуте с иудейскими раввинами – весьма влиятельными в Хазарии, и мусульманскими муллами, приходящими из арабского Халифата. Выбор византийского двора пал на Константина Философа. Весьма вероятно, этот выбор мог быть подсказан святителем Фотием Великим, ставшим новым Константинопольским Патриархом. Он наверняка знал, куда скрылся его ученик.

Призвав Константина Философа, император повелел ему: «Иди, Философ, к этим людям. Дай им ответ и поучение о Святой Троице с Ее помощью, ведь никто другой не сможет достойно сделать это». Константин сразу же согласился принять участие в Хазарской миссии, так ответив императору: «Если велишь, владыка, на такое дело с радостью пойду пешком и босым, и без всего того, что не велит Бог ученикам Своим носить».

Однако, несмотря на такую готовность Константина, император и Патриарх настояли на том, чтобы в Хазарию его сопровождала почетная свита, подобающая посланнику византийского императора. Вместе с Константином отправился в путешествие и его брат Мефодий.

Отправившись из Константинополя, братья, переплыв Черное море, прибыли в Херсонес (Корсунь). На некоторое время братья задержались в Херсонесе из-за надвигающейся зимы. Константин Философ использовал это время для подготовки к проповеди в Хазарии. Он усердно изучал еврейский язык, и, как говорится в жизнеописании, самарянский. По предположению некоторых исследователей самарянским языком мог называться хазарский, так как некоторые хазары, подобно самарянам, принимали иудаизм в усеченном виде, признавая Ветхий Завет – Закон и Пророков, но не толкования, содержащиеся в Талмуде.

В любом случае, к изучению этого языка Константина Философа подтолкнули диспуты с неким жителем Херсонеса, названном

самарянином. Этот человек, узнав о приезде в Херсонес знаменитого богослова из Константинополя, пришел к нему для богословской беседы и принес некие самарянские книги. Эти книги заинтересовали Константина – он выпросил их у самарянина и заперся с ними в своей комнате. Когда через месяц самарянин снова пришел к Константину, то, к своему величайшему удивлению, увидел, что Константин может читать эти книги совершенно свободно. Впоследствии Константин Философ обратил самарянина и его семью в Православие.

Рассказывая о пребывании равноапостольных братьев в Херсонесе, жизнеописание упоминает еще об одном случае, связанном с книгами: «и нашел Философ здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью». Толкуя это событие, исследователи придерживаются трех различных версий. Согласно первой – это был перевод священных текстов на готский язык, сделанный еще в IV веке епископом Ульфилой. Другая версия говорит о том, что это была попытка переложить Священное Писание так называемыми «чертами и резамми», которые использовали некоторые славянские племена вместо алфавита. Согласно же третьей версии, это просто ошибка либо переписчика, либо переводчика.

Во время своего пребывания в Херсонесе святые братья обрели мощи священномученика Климента, папы Римского. Священномученик

Климент, третий епископ Римский, был сослан императором Траяном в Таврические каменоломни. Некоторое время спустя по приказу того же императора священномученик Климент был убит – его, связав якорной цепью, бросили в море. Местные христиане вытащили тело священномученика на один из прибрежных островков и погребли в одной из многочисленных каменных пещер. Довольно долго жители Херсонеса и окрестных селений в день памяти священномученика Климента ходили к тому месту для молитвы; но потом, с течением времени, мало-помалу оно было оставлено в небрежении и совсем забыто.

Узнав о том, что мощи святого заброшены и находятся неизвестно где, Константин Философ дал обет: «Верую в Бога и надеюсь на святого Климента, да поможет обрести мощи его». Сначала он тщательно изучил местные предания о том, где могли бы находиться мощи священномученика. Затем он обратился к архиепископу и градоначальнику с просьбой помочь ему в этом благом деле. Просьба императорского посланника была уважена. И архиепископ с клиром и светские власти с благочестивыми людьми взошли на корабли и поплыли к тому месту, где предположительно находились мощи святого.

После не совсем успешного сначала искания занесенная землей пещера была найдена и раскопана. Мощи святого Климента были обреты в ней вместе с якорем, с которым

он брошен был в море. Мощи были перенесены в Херсонес, обнесены по всем городским стенам и по всем храмам, а затем были поставлены в соборной церкви. Историю этого события Константин описал впоследствии в нескольких сочинениях – «Истории», «Похвальном слове» и «Гимне», дошедших до нас в виде «Слова на перенесение мощей преславного Климента».

Часть мощей Константин взял с собой, и впоследствии одну половину этой части отдал в константинопольскую церковь святых Апостолов, при которой жил по возвращении из Хазарии, а другую, взяв с собой в моравское путешествие, отнес в Рим.

В скором времени, когда византийское посольство собралось в Хазарский каганат, один из хазарских князей, придя со своими воинами, осадил небольшой византийский город, расположенный недалеко от Херсонеса. Узнав об этом, Константин Философ сразу же направился туда. Он некоторое время беседовал с хазарским князем и убедил его снять осаду и принять святое крещение. После этого хазары ушли, не причинив тому городу и его жителям никакого вреда.

После этого византийское посольство направилось в Хазарию. По дороге к Азовскому (Меотскому) морю на них напала шайка угров. И вновь, как в случае с нападением хазар, Константин Философ беседовал с ними, и угры отпустили его со всеми спутниками.

У Каспийских врат византийское посольство встретили хазары, дабы препроводить его в столицу Хазарии – Итиль. Среди хазар был и некий иудейский раввин, представлявший влиятельную в Хазарии иудейскую общину – один из будущих оппонентов святого. Он сразу же предложил святому ряд вопросов.

Во-первых, он спросил Константина: «Почему у вас нехороший обычай – вы ставите одного цесаря вместо другого из другого рода? Мы же совершаем это по родству». В ответ Константин Философ сказал: «И Бог вместо Саула, не творившего ничего, Ему угодного, избрал Давида, угождающего Ему, и род его». И вновь спросил его иудей, указав на книги, которые вез с собой Константин: «Если называется вы учеными, то зачем без книги в руке не ступите ни слова; а у нас не так: если уже ученый, так он поглотил всю мудрость в себя и будет приводить на все свидетельства, не имея нужды заглядывать в книги». Константин же ответил притчей: «Если встретишь человека нагого, а он скажет тебе, что имеет много одежд и золота, согласишься ли ему, видя его нагим?» И сказал тот: «Нет». Затем он сам спросил: «Если ты поглотил всю мудрость, то скажи нам, сколько поколений до Моисея и сколько лет длилось каждое из них?» Его вопрос остался без ответа.

Диспуты с иудеями

Вскоре по прибытии византийского посольства в Итиль, начались богословские диспуты

между Константином и местными учеными раввинами. Эти диспуты собирали множество слушателей и зрителей из числа хазарской знати.

Первый из диспутов состоялся на обеде у кагана, куда Константин с братом были приглашены вскоре по приезде в Итиль. Хазарские вельможи спросили у Константина: «Какой ты имеешь сан, чтобы посадить тебя по достоинству твоему?» Он же сказал в ответ: «Дед у меня был великий и славный, который сидел рядом с цесарем, и по своей воле данную ему славу отверг, изгнан был, и, в страну земли иной придя, обнищал. И здесь породил меня. Я же, ища давней чести деда, не сумел обрести иной, ведь я Адамов внук». Ответ святого был оценен по достоинству.

По древнему обычаю христианских и нехристианских народов, на обеде пили священные чаши. Принимая первую чашу, каган сказал: «Пьем во имя Бога единого, сотворившего все». Константин Философ ответил: «Пью во славу единого Бога и Слова Его, Которым утверждены небеса, и животворящего Духа, в Котором вся сила их состоит». И отвечал ему каган: «Все одинаково говорим. Одно только различно соблюдаем: вы Троицу славите, а мы единого Бога, постигнув смысл книг». Тогда Константин сказал: «Слово и дух книги проповедуют. Если кто тебе честь воздает, а слову твоему и духу чести не воздает, другой же воздает всем трем – который из двух почтительнее?» Каган сказал: «Тот, который почитает все три». Услышав ответ кага-

на, Константин Философ сказал: «Поэтому и мы больше почитаем Бога, приводя свидетельства и пророков слушаая. Ибо Исаия сказал: «Послушай Меня, Иаков и Израиль, призванный Мой: Я тот же, Я первый и Я последний». И ныне Господь и Дух Его послали Меня».

Тогда иудеи, стоявшие вокруг, спросили его: «Скажи, как может женщина вместить Бога в чрево, на Которого никто не может взглянуть, а не то что родить Его?» Отвечая, Константин Философ прибег к приточным образам, указав на кагана и на первого советника, сказал: «Если кто-нибудь скажет, что первый советник не может достойно принять кагана, и потом скажет, что последний раб его может принять кагана и честь ему оказать – как его назовем, скажите мне, безумным или неразумным?» Они же сказали: «И крайне безумным». Тогда Константин сказал им: «Что достойнее всего из видимых созданий?» Услышав в ответ: «Человек, сотворенный по образу Божию», он продолжил: «Как же тогда не безумцы те, кто говорят, что не может вместиться Бог в человека? А Он вместил Себя и в купину, и в облако, и в бурю, и в дым, являясь Моисею и Иову. Как можно, если болеет один, исцелять другого? Ведь если род человеческий пришел к гибели, от кого может он вновь получить обновление, как не от Самого Творца? Отвечайте мне, разве врач, желая наложить пластырь больному, приложит его к дереву или к камню? И выздоровеет ли человек от этого? И как Моисей говорил, исполненный Духа

Сятого в своей молитве, воздев руки: «В горе каменной и в гласе трубном не являйся нам, Господи щедрый, но, вселившись в нашу утробу, возьми наши грехи». И так разошлись, назначив день, в который будут беседовать обо всем этом.

В первый день, выбранный для религиозных прений, вновь сошли вместе Константин Философ с братом своим Мефодием, иудейские раввины и каган со всей хазарской знатью. Еще до начала диспута было решено, что те из слушателей, кто не поймет всех сложностей богословской полемики, могут задавать вопросы.

Первый вопрос, заданный иудеями святому, звучал так: «Мы следуем в книгах и слову и духу. Скажи же нам, какой закон Бог сначала дал людям: Моисеев или тот, которому вы следуете?» В ответ Константин Философ поинтересовался: «Потому ли вы спрашиваете, что первому закону следуете?» Получив утвердительный ответ, он продолжил: «Но если вы хотите следовать первому закону, то должны совершенно отказаться от обрезания». Они же сказали: «О чем ты говоришь?» Константин спросил: «Скажите мне, не скрывая, в обрезании ли заключен первый закон или в необрезании?» Отвечали они: «Думаем, что в обрезании». Тогда Константин сказал: «Не Ною ли Бог дал закон впервые после заповеди при отвержении Адама, заветом называя закон? Ведь сказал же ему Бог: «Вот Я поставлю завет Мой с тобой и с потомками твоими и со всею землею. Три заповеди соблюдайте: ешьте всю зелень травную и то, что в небе, и то, что на

земле, и то, что в водах, только мяса с кровью, с душою его не ешьте. И кто прольет человеческую кровь, прольет и свою кровь за нее». Что скажете против этого, говоря, что первый закон надо соблюдать?» На это иудеи ответили ему: «Придерживаемся первого закона Моисеева. А тот не назвал Бог законом, но заветом, как и первую заповедь человеку в раю. И заповедь Аврааму названа иначе: обрезание, а не закон. Ведь закон есть одно, завет же другое». Он же отвечал им: «Об этом я скажу так, что закон называется и заветом. Ибо сказал Господь Аврааму: «Даю закон Мой на теле вашем, – который и знамением называл, – который будет между Мной и тобой»».

Тогда раввины сказали: «Так и мы считаем, что закон называется и заветом. Все, кто соблюдал их и закон Моисеев, все Богу угодили. И мы придерживаемся его и тоже надеемся угодить Богу. А вы, создав другой закон, попираете закон Божий». Но Константин Философ ответил им так: «Правильно поступаем. Если бы Авраам не сделал обрезание, а соблюдал Ноев закон, то не был бы назван другом Божиим; ни Моисей после того, как написал закон вновь, первого не соблюдал. Так и мы их примеру следуем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божия заповедь сохранялась твердо. Ведь дав Ною закон, Бог не сказал ему, что потом другой даст, но что этот будет пребывать во веки во всякой живой душе. И так же, дав обет Аврааму, не возвестил ему, что другой даст Моисею. Так как же вы соблюдаете закон? И Бог устами Иеремии гово-

рит: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Иуды и с домом Израиля новый завет». И еще тот же Иеремия сказал: «Так говорит Господь Вседержитель: остановитесь на путях и рассмотрите, и расспросите о путях Господних, правых и вечных, и увидите, какой путь истинный, и идите по нему, и найдете очищение душам вашим». И сказали: «не пойдем». И поставил Я стражей над вами, *сказав*: «слушайте звука трубы». И сказали: «не послушаем». Поэтому услышат народы, пасущие стада в них. И тогда слушай, земля: вот, Я наведу на народ сей пагубу, плод отвращения их, ибо они словам пророков Моих не вняли и закон Мой отвергли». И не только этими одними примерами покажу, что закон изменяется, но и другими явными доводами от пророков». Отвечали ему иудеи: «Всякий иудей знает воистину, что будет так. Но не пришло еще время для Мессии». Константин возразил: «Что себе представляете, видя, что и Иерусалим разрушен, жертвоприношения прекратились, и все сбылось, что прорекли пророки о вас? Ведь Малахия открыто восклицает: «Нет Моей воли в вас, говорит Господь Вседержитель, и жертвы из рук ваших не приемлю. Ибо от востока солнца и до запада имя Мое славится народами, и на всяком месте приносится фимиам имени Моему, жертва чистая, потому что велико имя Мое между народами, говорит Господь Вседержитель». Они же отвечали: «Правильно говоришь. Все народы хотят быть благословленными от нас и обре-

занными в городе Иерусалиме». Но Константин сказал: «Так говорит Моисей: «Если вы будете соблюдать закон, будут земли ваши от моря Черного до моря Филистимского и от пустыни до реки Евфрата». А мы, иные народы, от того благословимся из семени Авраамова, кто от корня Иессеева вышел и назван надеждою народов, и светом всей земли и всех островов, и славою Божиею просвещены не по тому закону, и не в том месте. Пророки громко возглашают. Ведь сказал Захария: «Ликуй, дочь Сиона! Се цесарь твой грядет кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истребит оружие Ефрема и коней в Иерусалиме, возвестит мир народам, и владычество Его будет от края земли до конца вселенной». Иаков же сказал: «Не прекратится князь от Иуды, ни законодатель от чресл его, до тех пор, пока не придет Тот, Кому предназначено, и Он – надежда народов». Все это видя оконченным и свершившимся, кого другого ждете? Ведь сказал Даниил, наставленный Ангелом: «Семьдесят седмин до Христа Владыки, что составляет четыреста девяносто лет, на которые запретятся видения и пророчества». Чье, вы думаете, железное царство, которое Даниил представляет в видении?» Отвечали они: «Римское». Константин же спросил их: «Камень, оторвавшийся от горы без рук человеческих, кто есть?» Отвечали они: «Мессия». Однако же иудеи привели такой довод: «Но если Тот, о Котором говорят пророки и другие доводы, уже пришел, как ты говоришь, то как же

римское царство властвует до сих пор?» На это Константин ответил: «Не властвует уже, миновало оно, как и другие царства, явленные в видении. Наше же царство не римское, а Христово. Как сказал пророк: «Воздвигнет Бог небесный царство, которое в веки не разрушится, и владычество его не достанется другому народу, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно». Не христианское ли царство ныне именем Христа называется, а ведь римляне поклонялись идолам. Эти же один от одного, а другой от другого народа и племени царствуют во имя Христа, как пророк Исаия, свидетельствуя, говорил вам: «И оставьте имя ваше избранным Моим в насыщение; и убьет вас Господь, а рабов Своих назовет именем новым, которое благословенно будет по всей земле, ибо благословят Бога истинного, и кто будет клясться на земле – будет клясться Богом небесным». Не сбылось ли все пророческое предсказание? Уже сбылось сказанное о Христе. Ибо Исаия извещает о рождении Его от Девы, говоря так: «Вот, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог». А Михей говорит: «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ мой Израиля и Которого происхождение от начала, от дней вечных. Посему Он оставит их до времени, доколе рождающая Его не родит»».

Вновь сказали иудеи: «Мы от Сима благословенное потомство, благословлены отцом нашим

Ноем, вы же нет». На это Константин ответил: «Благословение отца вашего не что иное, как только хвала Богу; ведь ничего вам от этого не будет. Ведь это слова: «Благословен Господь Бог Симов», а Иафету, от которого мы произошли, сказано: «Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в селениях Симовых»».

Иудеи же спросили Константина: «Как вы, уповая на смертного человека, думаете быть благословенными, если Писание проклинает такого?» Он ответил: «Тогда проклят ли Давид или же благословен?» Они сказали: «Весьма благословен». Тогда Константин сказал: «И мы так же на Того уповаем, на Кого и он. Ибо сказал он в псалмах: «Человек мирный со мною, на него же я уповал». И этот человек есть Христос Бог. А того, кто уповает на обычного человека, и мы проклинаяем».

Затем диспут перешел на более простые вопросы. Раввины задали Константину такой вопрос: «Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отверг его, но по закону совершил?» Он отвечал: «Так как было сказано вначале Аврааму: «Вот знамение между Мною и тобою», – то и завершить его пришел. И от Авраама соблюдали завет до Христа. А далее Бог не дал ему продлиться, но крещение нам заповедал».

Затем был задан вопрос об иконах: «Как вы, поклоняясь идолам, полагаете угодить Богу?» На него Константин Философ ответил так: «Сначала научитесь различать понятия, что есть

икона, а что идол. И, узрев это, не нападайте на христиан. Ибо десять имен существует в вашем языке для такого изображения. Спрошу же вас и я. Не образ ли скиния, которую видел на горе Моисей и вынес ее, или не изображение ли образа сотворил он художеством, образ по этому подобию, замечательный мастерством резьбы и кожевненным и шерстоткацким, и изваяниями Херувимов? И если он создал такое, то скажем ли, что вы дереву, и козам, и тканям воздаете почести и поклоняетесь, а не Богу, давшему вам в то время такой образ? То же можно сказать и о храме Соломоновом, поскольку в нем были подобия Херувимов и Ангелов, и много иных изображений. Так и мы, христиане, создаем подобие угодивших Богу и воздаем им честь, отделяя доброе от изображений демонов».

Прения закончились обсуждением бытовых вопросов. Как то обычно бывает в религиозных диспутах, каждый остался при своей вере, но некоторых из слушателей хазар аргументы, приводимые Константином, убедили.

Помимо полемики с иудеями, у Константина состоялся также и диспут с представителем мусульманской общины Хазарии. Но, по мнению исследователей, этот диспут был прерван из-за возникшего конфликта между мусульманами и иудеями.

БЕСЕДА С КАГАНом

По завершении богословских диспутов Константина вновь призвал к себе каган. В продол-

жение всех споров он внимательно слушал все доказательства, которые были приводимы каждой из спорящих сторон, но, несмотря на это, он не в состоянии был решить для себя, на которой стороне остается правда, поскольку он был скорее воином, чем мыслителем. Поэтому он задал Константину такой вопрос: «Скажи, честный муж, на примерах и с рассуждением, веру, которая лучше всех». В ответ Константин предложил такую притчу: «Двое супругов были у некоего царя в великой чести и весьма любимы им. Когда же они согрешили, изгнал их, отослав из своей земли в другую. Прожив там много лет, в нищете породили детей. И, собравшись, дети держали совет, каким бы путем вернуться вновь в прежнее достоинство. И один из них говорил так, а другой – иначе, а третий – по-иному. Держали совет, какому решению надо следовать, не лучшему ли?» Поняв его притчу, вновь спросили его: «Зачем ты говоришь это? Ведь каждый свой совет считает лучше других. Иудеи свой лучшим считают, и сарацины тоже, и вы тоже, а иные – другой. Скажи, который мы должны считать лучшим из них?»

Тогда Константин Философ сказал: «Золото и серебро испытываются огнем, а человек разумом отсекает ложь от истины. Скажите мне, отчего случилось первое грехопадение, не от зренья ли и сладкого плода, и желания быть божеством?» Затем, получив утвердительный ответ на свой вопрос, он продолжил: «Если кто заболает, поев меда или выпив холодной воды,

и придет врач и скажет ему: «И еще много меда съев, исцелишься»; а тому, кто пил воду, скажет: «Холодной воды напившись, нагим на морозе постояв, исцелишься». Другой же врач не так укажет, но назначит противоположное: вместо меда горькое пить и поститься, а вместо холодного теплое, греясь. Кто же из двоих искуснее лечит?» Отвечали ему: «Кто назначает противоположное лечение. Ибо горестью этой жизни следует умертвить сладость похоти, а гордость смирением, излечивая противоположное противоположным. И мы говорим, что дерево, которое сначала произрастит шипы, затем принесет сладкий плод». Тогда снова сказал Константин: «Хорошо сказали. Ведь Христов закон являет всем суровость жизни, угодной Богу, потом же в вечных жилищах стократно приносит плод». После этого он призвал всех своих слушателей обратиться ко Христу.

Призыву Константина Философа последовали многие хазарские вельможи и воины. К сожалению, впоследствии почти все хазарские христиане погибли от гонений, которые устраивали на православную общину иудеи, мусульмане и язычники. Сам каган в христианство не обратился, но остался доволен выступлением византийского проповедника. Он предложил Константину любую награду – Константин просил кагана отпустить с ним всех пленных византийцев, находящихся в Хазарии, сказав: «Это будет для меня больше всяких даров». Каган исполнил его просьбу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

По завершении диспутов византийское посольство направилось в Константинополь. Путь домой был долгим и трудным. Согласно предположениям исследователей, они отправились в дорогу в летнее время, когда пересыхают все ручьи и реки, текущие в степях. На одном из этих степных переходов Константин и его спутники подверглись мучениям жажды. Найдя же в солончаке немного воды, они не смогли пить ее, ибо была она, как желчь. Не зная, что предпринять, они разошлись по разным направлениям – искать воду, но так и не нашли ничего подходящего.

То, что произошло затем, описывается жизнеописателями, как чудо, сотворенное солунскими братьями. Константин Философ сказал своему брату Мефодию: «Не могу больше снести жажды, зачерпни этой воды. Тот, Кто прежде превратил для израильтян горькую воду в сладкую, и нам может сотворить утешение». И действительно, услышал их Господь – почерпнутая вода оказалась прохладной и приятной на вкус. Поэтому, напившись, братья и их спутники прославили Бога, совершающего такое для Своих рабов.

Наконец, после трудного пути, братья вновь оказались в Херсонесе. Местный архиерей, узнав о более или менее успешном окончании миссии, пригласил святых братьев к себе на ужин. Здесь они просили его благословения – забрать с собой мощи святого Климента. Уже после того, как благословение было получено, Константин

Философ внезапно обратился к епископу с такими словами: «Помолись за меня, отче, как сделал бы это для меня отец мой». Когда же после ужина спутники его спросили, что означают его слова, он ответил: «Воистину отойдет он от нас утром к Господу, оставив нас». Так и случилось.

И вновь время, проведенное Константином Философом в Херсонесе, прошло с большой пользой. На сей раз, он способствовал спасению фуллов. Что это был за народ и где он обитал, до сих пор неизвестно. Согласно мнению одних исследователей, это была одна из народностей, населявших Крым, некогда обращенная в христианство, но так и не просвещенная в начатках веры. Согласно же другим исследователям, это было некое славянское племя, обитавшее в северном Причерноморье, крещеное, но далекое от христианского просвещения.

В любом случае дело обстояло следующим образом. У фульского племени, некогда обращенного в христианство, был большой дуб, сросшийся с черешней, под которым совершали жертвоприношения, называя его именем Александр. Женщинам не разрешали ни подходить к нему, ни участвовать в жертвоприношениях. Узнав об этом племени, Константин не поленился отправиться к ним. Придя туда, он обратился к фуллам с такой речью: «Эллины отошли в вечную муку за то, что почитали как бога небо и землю, такие великие и славные создания. Так и вы, поклоняясь дереву, ничтожной вещи, уготованной огню, как можете избегнуть

вечного огня?» На это они отвечали: «Мы не начали это делать в наши дни, а унаследовали от отцов своих. И за это получаем все по просьбам нашим: главное же бывает сильный дождь. Как же мы совершим то, чего никто из нас не осмелился сделать. Ведь если кто и осмелится совершить это, тотчас же умрет, а мы не увидим дождя до конца дней».

Но Константин Философ вновь обратился к ним: «Бог о вас говорит в Писании, как же вы от Него отрекаетесь? Ибо Исаия от лица Господа восклицает, говоря: «Приду собрать все народы и племена, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис, и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, на дальние острова, которые не слышали Моего имени, и они возвестят народам славу Мою». И еще говорит Господь Вседержитель: «Я пошлю рыболовов и охотников многих – и на холмах и каменных скалах поймают вас». Признайте, братья, Бога, сотворившего вас. Это благовестие Нового Завета Божия, в который вы крестились». Долго еще уговаривал он фуллов, но, в конце концов, добился своего – старейшина, поцеловав Евангелие, направился к дереву и все последовали за ним. Константин же, взяв топор, срубил дерево и приказал сжечь его. И как бы в подтверждение его проповеди в ту же ночь Бог ниспослал им дождь.

После этого Константин Философ возвратился в Херсонес, а оттуда вместе с братом своим Мефодием, всем остальным посольством, взяв

мощи святого Климента, отплыл в Константинополь. Вернувшись в столицу, братья были приняты императором и Патриархом. Святой Мефодий получил игуменство в монастыре Полихрон, недалеко от горы Олимп, где он подвизался прежде. А святой Константин остался в столице – он стал причетником храма святых Апостолов. Этот храм, построенный Константином Великим и перестроенный Юстинианом, был вторым по значению храмом Константинополя. При храме была обширная библиотека, которой Константин Философ пользовался для своих ученых занятий. По мнению некоторых исследователей, помимо обычных обязанностей чтеца, Константин также занял должность штатного проповедника.

Подготовка Моравской миссии

Около 862 года Моравский князь Ростислав, находясь в достаточно затруднительном и политическом, и религиозном положении, отправляет посольство в Константинополь, к императору Михаилу и Патриарху, святителю Фотию.

В то время Моравия уже несколько десятков лет – с начала IX века – официально считалась христианской страной – христианство в Моравию принесли проповедники из соседней Баварии. Как следствие, Моравия оказалась в юрисдикции Баварского архиепископа – Пассавской епархии. Но еще при предшественнике князя Ростислава – Моймире, у Моравии возник ряд разногласий с немецкими и франкскими князь-

ями, что привело к войнам. В результате этих войн моравский народ остался без должного христианского просвещения, и более того, архиерей, окормлявший моравскую паству, был на стороне противников князя Ростислава. Из-за этих обстоятельств, он обратился к Византии, желая получить и проповедников, способных наставить народ в христианской вере, и впоследствии, своего архипастыря.

К тому же отношения между Римским Патриархатом, в чьей юрисдикции была Пассавская епархия, и Константинопольским Патриархатом оставляли желать лучшего. Папа Римский Николай I уже не раз вмешивался во внутренние дела Константинопольского Патриархата, выступая против Патриарха Фотия. Посольство Моравского князя давало и императору, и Патриарху право и возможность вмешаться во внутренние дела как раз Римского Патриархата.

Поэтому они тут же призвали Константина Философа, прося его отправиться с миссией в Моравию, сказав: «Ты утомлен, но подобает тебе идти туда, ибо лучше тебя никто этого не выполнит. К тому же вы с братом – солуняне и знаете славянский язык». На это Константин ответил: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». На это император Михаил ответил ему: «Дед мой и отец мой, и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» Поначалу Константин был в

недоумении от такого ответа. Он сказал: «Кто может на воде записать беседу или захочет приобрести прозвище еретика?» Но император и его дядя, кесарь Варда, настаивали на том, что Константин должен идти просвещать славян и дать им богослужение на собственном языке.

Тогда он, вызвав из Полихронской обители своего брата Мефодия, вместе с ним начал составлять славянскую азбуку. Они создали две буквенные системы: глаголицу и кириллицу (в основе которой лежит греческое унциальное письмо с добавлением букв других азбучных систем). Занимаясь составлением азбуки, святые братья одновременно заботились о поиске помощников. Они отобрали пятерых, хорошо знающих славянский язык – Климента, Наума, Ангилария, Савву и Лаврентия. По предположению некоторых исследователей помощники святых братьев не просто знали славянский язык; они были славянами, чьи предки поселились на землях Империи.

Примерно год спустя после приезда в Константинополь посольства из Моравии на славянский язык были переведены отрывки из Евангелий и Апостола, а также ряд богослужебных текстов. С этим багажом византийские миссионеры направились в Моравию.

Император Михаил вместе с посольством передал князю Ростиславу богатые дары и послание, в котором говорилось: «Бог, Который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство,

увидев твою веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил письмена для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог – человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя их к божественному разумению, получил награду свою за это в сем веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Миссия в Моравии

Прибыв в Моравию, святые братья с учениками были встречены с великой честью. По словам одного из их жизнеописателей, когда миссия достигла моравских пределов: «то жители в своей великой радости вышли к ним навстречу за стены города».

В Моравии Константин Философ при помощи Мефодия и других помощников продолжил переводы богослужебных текстов и Священного Писания на славянский язык.

Помимо этого, по желанию моравского князя Ростислава было выбрано несколько одаренных юношей для подготовки к пастырскому служению. Среди этих юношей особенно выделялся Горазд. Под руководством Константина Философа они не только изучили славянское богослужение, но и приобщились к византийской культуре и науке.

Однако введение богослужения на славянском языке вызвало резкие нападки местного духовенства – в основном выходцев из Баварии. Они утверждали: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было Ему угодно, разве не мог Он сделать так, чтобы все народы с самого начала, письменами свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал Он: еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать хвалу Богу». Константин Философ отвечал им: «Вы признаёте лишь три языка, достойных того, чтобы славить на них Бога. Но Давид вопиет: «Пойте Господеви, вся земля, хвалите Господа, вси языци, всякое дыхание да хвалит Господа! И в Святом Евангелии сказано: Шедше, научите вся языки».

Кроме того, святым братьям пришлось спорить с местным духовенством относительно суеверий и канонических нарушений. Дело в том, что многие жители Моравии, считаясь христианами, продолжали приносить жертвы по языческому обряду в священных рощах и у источников. Также в некоторых областях сохранилось многоженство и свобода развода.

Большая часть духовенства вместо того, чтобы бороться с подобными нарушениями, распротраняла в народе суеверия, говоря, что под землей живут «велеглавы» – то есть большеголовые люди, что все змеи – дьяволы создания, и если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов, а если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться к стеклянной.

Естественно, что ученые-византийцы сразу же выступили против подобных безобразий. Проповедуя, Константин Философ так наставлял народ: «Принеси как жертву Богу хвалу и воздай Вышнему обеты и молитвы твои. Жену же юности твоей не отпусти. Если, возненавидев, ее отпустишь, не укроется нечестивая похоть твоя, говорит Господь Вседержитель, берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей. И вы то, что Я возненавидел, сотворяли, так как был Бог свидетелем между тобой и женой юности твоей, которую ты оставил, что она подруга твоя и законная жена твоя. И в Евангелии Господа слышали: «Как сказано древним: не прелюбодействуй». А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И еще раз говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот заставлял ее творить прелюбодейство. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

Но местное духовенство никак не могло по достоинству оценить его усилия – их раздра-

жало и озлобляло то, что, вторгшись на их территорию, Константин Философ позволяет себе критиковать их действия, не имея при этом высокого церковного сана. Они жаловались на него и Баварскому архиепископу, и Венецианскому митрополиту, и папе Римскому.

В конце концов, после трех с половиной лет поведенных в Моравии, святые братья решают отправиться в Венецию и Рим, дабы при личной встрече объяснить свою позицию и заручиться архиерейской поддержкой. Вместе с ними в путь отправились также их ученики и помощники.

Путешествие в Рим

На пути в Венецию святые братья проезжали Паннонию – княжество, находившееся на юго-западе нынешней Венгрии. Паннонский князь Коцел пригласил их ненадолго задержаться в его владениях, поскольку уже давно хотел ввести у себя славянское богослужение, которое было у его соседей и противников в Моравии. Он был несказанно обрадован, когда переводчики Священного Писания и богослужебных книг на славянский язык прибыли в Паннонию. По просьбе князя Константин и Мефодий провели в Паннонии около года. За это время они обучили славянской грамоте и самого князя и около пятидесяти человек, выбранных им. После этого в некоторых храмах в Паннонии было введено богослужение на славянском языке. Прощаясь с наставниками, князь Коцел предлагал им любое

вознаграждение, но Константин Философ просил его вместо этого отпустить домой моравских пленников, что и было исполнено.

Из Паннонии святые братья отправились в Венецию, где надеялись получить поддержку архиерея и договориться о хиротонии своих учеников. Однако там они обрели целый собор враждебно настроенного латинского духовенства. На соборе латиняне нападали на Константина Философа, требуя от него ответа: «Человек, скажи нам, как ты создал славянам письмена и обучаешь их? Ведь никто же их раньше не обрел: ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Двоеслов, ни Иероним, ни Августин. Мы же только три языка знаем, которыми подобает славить Бога: еврейский, греческий, латинский». На это он возражал: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, и солнце тоже не сияет ли всем, и не все ли мы равно дышим воздухом? Так как же вы не стыдитесь, только три языка определяя для служения Богу, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, Бога ли вы почитаете немощным, не могущим дать это, или завистливым, не желающим дать? А мы многие народы знаем, имеющие письмена и воздающие Богу славу каждый на своем языке: армяне, персы, абхазы, грузины, сугды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие. Если же не хотите этого понять, то, по крайней мере, из Писания узнайте судию. Ведь Давид восклицает, говоря: «Пойте Господу, вся земля! Пойте и воз-

веселитесь и воспойте!» И другой раз: «Вся земля да поклонится и поет Тебе. Да поют же имени Твоему, Вышний». И еще: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все люди. Все дышащее да хвалит Господа». И в Евангелии же Иоанн говорит: «А тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими». И еще там же: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их. Да будут все едино, как Ты, Отец, во Мне, так и Я в Тебе». Ведь Матфей говорит: «Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам. И Я с вами во все дни до скончания века. Аминь». А Марк еще говорит: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасется, а неверующий осудится. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим изгонят бесов, заговорят новым языком». Скажем это и вам: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам. Ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете». И еще: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и хотящим войти воспрепятствовали». И Павел говорит коринфянам: «Но в церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы иных научить, а не тьму словес на чужом языке. Братья! Не дети будьте умом: на зло будьте младенцами, а умом будьте взрослыми. В законе написано: «Как иноязычникам устами

В РИМЕ

иными буду говорить людям сим, но и тогда не послушают Меня, говорит Господь»».

Но, несмотря на все аргументы, приводимые Константином, они стояли на своем, не допуская возможности перевода богослужебных текстов. Так что этот собор кончился ничем. Тем временем известие о соборе в Венеции дошли до Рима. Желая лично разобраться в происходящем, римский папа Николай вызвал святых братьев в Рим.

В РИМЕ

В начале 868 года святые братья прибыли в Рим. К тому времени папа Николай I, пригласивший их, скончался. Новый папа Адриан, узнав, что они несут мощи святого Климента, с клиром и народом вышел им навстречу. При торжественном внесении святых мощей в Рим произошел ряд исцелений.

После торжественной встречи Константин и Мефодий беседовали с римским первосвященником. Они рассказали ему о создании славянского алфавита и продемонстрировали переводы на славянский язык Священного Писания и богослужебных книг. Папа Адриан благословил их труды, положив славянское Евангелие на алтаре собора святого апостола Петра. Более того, он распорядился чтобы во всех крупных римских соборах – святого апостола Петра, святого апостола Павла, святого апостола Андрея, святого Климента, святой Петрониллы было совершено пасхальное бо-

гослужение на славянском языке. На этих службах ученики святых братьев были рукоположены во священников и диаконов.

Но даже такая поддержка Предстоятеля Римской Церкви не остановила противников славянского перевода. Многие представители латинского духовенства вновь и вновь утверждали, что только три языка, некогда начертанные на Кресте Господнем, достойны того, чтобы славить Бога. И никакие доказательства, приводимые Константином Философом, ни от Писания, ни от логики и философии не могли переубедить их. В конце концов, Адриан II вынужден был лично вмешаться в этот спор, встав на сторону Константина Философа и назвав его оппонентов «пилатистами» и «треязычниками», пригрозить им анафемой.

В любом случае не слишком благосклонное отношение латинского духовенства к славянским переводам не помешало им оценить личные достоинства Константина Философа, увидеть в нем человека необыкновенного и заслуживающего самого глубокого уважения. Многие образованные римляне, радуясь, что Бог привел к ним столь ученого человека, не переставая, шли к нему, спрашивая обо всем и получая ответы на многие вопросы. Более того, он открыл для римлян многие творения богословской и философской мысли Византии, в частности творения Дионисия Ареопагита.

А однажды Константину, как и в Хазарии, пришлось участвовать в диспуте с ученым иу-

деем. Этот иудей пришел к нему с таким утверждением: «Не явился еще согласно числу лет Христос, о Котором говорят книги и пророки, что Он от Девы родится». Так как вызов был охотно принят, то иудей стал одним из частых посетителей Константина. Используя Писание, Константин Философ, вычислив ему все годы от Адама по коленам, самым обстоятельным образом показал ему, что пришел Христос, и что столько-то лет прошло от Его пришествия.

Кончина и погребение равноапостольного Кирилла

Примерно полгода продолжалась деятельность Константина Философа в Риме. Затем он тяжело заболел. Во время болезни ему было явление Божие, после которого он воскликнул: «О сказавших мне: «Идем в дом Господень» возвеселился дух мой, и сердце обрадовалось».

На следующий день он попросил постричь его в схиму с именем Кирилл, что и было исполнено. После этого он прожил еще пятьдесят дней. Незадолго до смерти святой Кирилл обратился брату с такой просьбой: «Были мы с тобой, брате Мефодие, как два вола в одной упряжи, и вот я, скончав день свой, падаю на борозде и умираю. Знаю, что ты хочешь в монастырь на Олимпе, но прошу, не оставляй учительство, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?» Мефодий обещал брату, что не оставит дело просвещения славян.

Когда же пришло время святому Кириллу перейти в вечную жизнь, он обратился к Богу со слезной молитвой: «Господи, Боже мой, Который составил все ангельские чины и бесплотные силы, небо распростер и землю основал, и все сущее от небытия в бытие привел, всегда и везде внимающий волю Твою творящим, боящимся Тебя и хранящим заповеди Твои. Вними моей молитве и сохрани верное Твое стадо, к которому приставил меня, негодного и недостойного раба Твоего, непусти никому из них возвратиться к злобе безбожного язычества, и избави их от всякого многословия и от хульного еретического языка, возводящего хулу на Тебя. Истреби триязычную ересь и умножь Церковь Свою числом верующих, объединив всех в единодушии. Сотвори избранниками людей, мыслящих едино об истинном исповедании подлинной веры Твоей, и вдохни в их сердца слово Твоего учения. Ведь это Твой дар, что принял Ты нас, недостойных, для проповедования Евангелия Христа Твоего. Стремящихся к добрым делам и творящих угодное Тебе, которых Ты поручил мне, как Твоих Тебе передаю. Благоустрой их силою Твоею и десницею, покрывая сенью крыльев Твоих, чтобы всячески восхваляли и прославляли имя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь».

После этого, простившись со всеми, он сказал: «Благословен Бог наш, Который не отдал нас как добычу зубам невидимых врагов наших, но разрушилась сеть их, и избавил нас от истле-

ния». И почил о Господе 14 февраля 869 года, на сорок третьем году жизни.

Брат его, святой Мефодий, умолял Адриана II разрешить увезти тело брата для погребения его на родной земле, говоря: «Мать наша завещала нам, чтобы того, кто из нас первый умрет, перенес брат в свой монастырь и там его похоронил». Папа повелел положить его в раку и забить ее гвоздями. Готовясь в дорогу, Мефодий несколько задержался и тогда римское духовенство высказало такое мнение: «Раз Бог привел его, ходившего по многим землям, сюда и здесь его душу взял – здесь ему следует покоиться как достойному мужу». Папе Адриану эта мысль понравилась и он сказал: «Тогда ради святости его и любви, нарушив римский обычай, похороню его в моей гробнице, в церкви святого апостола Петра». Но тогда Мефодий просил: «Раз вы меня не послушали и не отдали его мне, то, если вы согласны, пусть лежит он в церкви святого Климента, с мощами которого пришел сюда». Адриан II согласился.

В церкви святого Климента по правую сторону алтаря святой Кирилл был торжественно погребен.

ЖИТИЕ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО МЕФОДИЯ

Детство и юность

Святой равноапостольный Мефодий был уроженцем Фессалоник (по другому произношению Солуни) и происходил из знатной семьи. Отец его, Лев, носил звание друнгария – достаточно высокое в военно-административной иерархии, и был помощником страстига. Но если с общественным положением друнгария Льва все ясно, его национальное происхождение, а, следовательно, и происхождение его знаменитых сыновей – просветителей славян, вызывает много вопросов. Некоторые исследователи считают эту семью чисто греческой, другие, основываясь на том, что вторым языком в этой семье был славянский, считают друнгария Льва славянином, третьи отстаивают протоболгарское – тюркское происхождение.

Родители святого, Лев и Мария, – люди благочестивые, имели семерых сыновей и дочерей. По предположениям многих исследователей, Мефодий был самым старшим. Как известно, имя Мефодий было получено им в монашеском постриге. Его мирское имя точно нам неизвестно, но опять же, по предположениям некоторых исследователей, это имя было Михаил. Также неизвестна и точная дата рождения

святого. Предположительно он родился около 815 – 820 года.

Сведений о детстве святого сохранилось очень мало. Однако известно, что Михаил, сын друнгария Льва, с детства отличался красивой наружностью и крепким здоровьем, живым характером, и острым, и вместе серьезным умом. Когда в доме друнгария Льва собирались его сослуживцы и другие знатные жители Фессалоник, юный Михаил принимал живое участие в их беседах. Уже тогда он как равный общался со старшими, изумляя их своей рассудительностью.

В ранней юности Михаил продолжил семейную традицию, избрав военную карьеру. Вскоре он показал себя отличным офицером. По выражению одного из жизнеописателей, «яко и крилат обреташеся». Участвуя в военных походах и сражениях, он подавал пример храбрости и решительности.

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА И ОТРЕЧЕНИЕ ОТ МИРА

Благодаря и личным качествам и семейным связям, молодой офицер вскоре стал известен императору, каковым в то время был Михаил III. Распущенный и слабохарактерный, он был не самым лучшим из византийских императоров. Его правление ознаменовало себя борьбой нескольких придворных группировок – одну из которых возглавляли его мать, императрица Феодора, и великий логофет, евнух Феоктист, а другую дядя императора – кесарь Варда.

Поскольку семейству друнгария Льва покровительствовал логофет Феоктист, благодаря которому и получил блестящее образование младший брат Михаила Константин, можно предположить, что именно по его рекомендации Михаил был представлен императору.

Вскоре, около 845 года, Михаил был назначен правителем одного из славянских княжеств, подчиненных Византийской Империи. Предположительно, это княжество со смешанным славяно-греческим населением находилось на территории современной Македонии. Однако, точно местоположение этой названной «Славиния» провинции неизвестно.

Находясь на этой должности, Михаил проявил и быстроту ума, и храбрость. Обладая способностями хорошего правителя, он умел ладить с беспокойным народом, стараясь не допускать население вверенного ему княжества до возмущения. Будучи правителем княжества, Михаил смог не только усовершенствовать свои познания в славянском языке, но и изучить славянские обычаи и традиции.

Около десяти лет Михаил пробыл на этой должности. Казалось, он был доволен своей карьерой, а народ Славинии был доволен им. Но около 856 года он оставляет свой пост. По мнению исследователей, к этому Михаила могли подтолкнуть несколько событий. Одним из них было возмущение славян, произошедшее из-за больших налогов, которое хотя и не привело к серьезным потрясениям, но поставило его, как

страти́га одного из славянских княжеств, перед выбором между сочувствием к местному населению и верностью императору.

Другим еще более потрясшим Михаила событием стала судьба покровителя и благодетеля его семьи, логофета Феоктиста. Проиграв своему сопернику, кесарю Варде, в борьбе за влияние на императора, Феоктист был предательски убит. Многие его сторонники подверглись серьезным преследованиям. Сам Михаил, занимающий достаточно незначительную должность, не подвергся никаким гонениям. Более того, по мнению некоторых исследователей, кесарь Варда и император Михаил III собирались предоставить ему новое поле деятельности.

Но все случившееся дало Михаилу пример тщетности мирской славы. Он решает посвятить остаток жизни подготовке к вечности. Отказавшись от должности правителя княжества, Михаил уходит на гору Олимп и становится послушником в одной из тамошних обителей. Несмотря на то, что причины побудившие Михаила оставить мир были связаны с внешними потрясениями, он искал в обители не спокойного и теплого жития, и не защиты от сильных мира сего, но лишений и трудов, присущих настоящему подвижничеству.

Начав путь простого монастырского послушника, он своей ревностью к послушанию и подвигам скоро стал приводить в удивление всю братию монастыря. Некоторое время спустя он принял постриг с именем Мефодий. Все свобод-

ное от послушаний время он посвящал чтению книг, желая восполнить недостаток своего первоначального образования.

Некоторое время спустя к Мефодию пришел, вернувшийся из посольства к сарацинам, младший брат Константин. В его лице Мефодий обрел прекрасного руководителя в изучении богословия, философии и других гражданских наук. Так братья провели в монастыре на Олимпе несколько лет, занимаясь молитвой и чтением.

В ТЕНИ ВЕЛИКОГО БРАТА:

УЧАСТИЕ В ХАЗАРСКОЙ МИССИИ

Около 860 года святой Мефодий из уединения был призван на служение. В это время к императору Михаилу пришло посольство из Хазарии.

В настоящее время ни от этой страны, ни от населявшего ее народа ничего не осталось. Но в то время Хазарский каганат был могучей державой. Первоначально хазарские поселения сосредоточивались в низовьях Терека и по берегам Каспия. В то время уровень воды в Каспийском море находился на отметке 36 м, на 8 м ниже, чем сейчас. Оттого очень большой была территория волжской дельты, доходившей до полуострова Бузачи – продолжения Мангышлака. Это были настоящие каспийские Нидерланды, изобиловавшие рыбой.

Хазары – кавказское племя, жившее на территории современного Дагестана. Следы обитания хазар у Каспия сейчас скрыты наступившим

морем. Кроме основного населения в Хазарии также обитали тюрки – народ очень храбрый и воинственный. Они бежали в Хазарию из Центральной Азии. Хазары приняли их, сделав тюркского царевича из династии Ашина своим ханом. Он кочевал со своей ставкой в низовьях Волги, между нынешними Волгоградом и Астраханью, весной откочевывал на Терек, лето проводил между Терекком, Кубанью и Доном, а с приходом холодов возвращался на Волгу. Помимо этих двух народов в Хазарии была многочисленная и очень влиятельная иудейская община – в руках ее представителей по большей части были сосредоточены дипломатия, торговля, образование.

Религиозная жизнь в Хазарии также отличалась многообразием. Помимо процветающего иудаизма – к этой общине принадлежали многие родственники кагана – и местных языческих культов, в стране существовали небольшие мусульманские и христианские общины. Представители каждой религии имели свои интересы, благодаря чему в Хазарском каганате – могущественной и грозной для окружающих народов державе – не было внутреннего единства.

В такой непростой ситуации хазарский каган обращается в Византию – самую влиятельную христианскую страну – с просьбой прислать проповедников, которые могли бы стать достойными противниками и ученым раввинам, и мусульманским проповедникам из арабского Халифата. Выбор византийского двора пал на

Константина Философа. По мнению исследователей, этот выбор мог быть подсказан новым Константинопольским Патриархом, святителем Фотием Великим, знавшим, куда скрылся его ученик. Вероятно по воле того же святителя Фотия вместе с Константином в столицу был вызван и его старший брат Мефодий.

Также как и в случае с посольством в Халифат Константин Философ, не раздумывая, согласился принять участие в Хазарской миссии. Его помощником стал старший брат Мефодий, который «служил как раб меньшему брату, повинаясь ему».

Путь в столицу Хазарского каганата был долгим и трудным. Переплыв Черное море, братья, вместе со всем византийским посольством, оказались в Херсонесе, иначе называемом Корсунь. То, предположительно, был конец осени, так что дальнейшее плавание по Черному морю, равно как и последующий сухопутный путь, представлялся затруднительным. Поэтому на некоторое время они задержались в Херсонесе.

Находясь в Херсонесе, святые братья обрели мощи священномученика Климента, папы Римского. В основном, конечно, это заслуга именно Константина Философа, уговорившего местные власти и духовенство отправиться на поиски святыни, но, как известно, Мефодий, уже бывший в то время монахом, способствовал деянию брата своими молитвами.

Затем византийское посольство отправилось посуху к Азовскому морю, чтобы несколько ускорить свое прибытие в Хазарию. Оттуда уже

по воде их путь лежал до устья Кубани, откуда вновь сухим путем они отправились в столицу Хазарского каганата – город Итиль.

По прибытии византийского посольства в Итиль на первом же обеде у кагана начались богословские диспуты. Затем они были продолжены в специально назначенные дни. Диспуты, на которых Константину Философу противостояли ученые раввины, собирали большое количество слушателей. Мефодий исполнял при брате богослове обязанности секретаря – он записывал все происходившие споры. Впоследствии Константин внес свою корректуру в эти записи, и они были переведены Мефодием на славянский язык. После богословских споров с иудеями Константин начал было богословскую полемику с мусульманами, но она была недолгой из-за вмешательства местных раввинов. Однако и этот небольшой эпизод нашел свое место в записях и переводах Мефодия.

Относясь к своему служению брату как к послушанию, Мефодий не оставлял и непрестанной молитвы, прося Господа и о помощи Константину и о просвещении слушающих светом Истины. Господь услышал его молитвы: многие из хазар, присутствовавших на богословских диспутах, обратились в христианство. Однако впоследствии судьба христианской общины в Хазарии была печальна – христиане неоднократно подвергались тяжелым гонениям.

На пути домой братья снова посетили Херсонес и, взяв там мощи святого Климента, верну-

лись в Константинополь. Здесь они с почетом были приняты и императором Михаилом, и Патриархом, святителем Фотием. Святому Мефодию была предложена архиерейская хиротония, но он решительно отказался. Тогда его поставили игуменом в большом монастыре Полихроне. Его брат не последовал за ним в Полихрон, но остался в Константинополе, став причетником в церкви святых Апостолов.

В тени великого брата: Моравская миссия

Спокойная жизнь святого Мефодия в обители Полихрон продолжалась очень недолго. Около 862 года в Константинополь прибыло посольство от Моравского князя Ростислава. Это посольство просило прислать в Моравию проповедников, способных наставить народ в христианстве.

В то время и религиозное, и политическое положение Моравии было достаточно запутанным. С одной стороны, Моравия официально – с начала IX века, считалась христианской страной, а с другой, христианское просвещение этого народа находилось на весьма низком уровне. С этим были связаны и политические проблемы, поскольку Моравия входила в юрисдикцию Баварского архиепископа Вихинга как Пассавская епархия, и одновременно находилась с Баварией в состоянии войны.

Одновременно весьма напряженными были и взаимоотношения между Константинопольским и Римским Патриархатами. Римский папа Николай I не признал законным избрание на

патриарший престол Константинополя святителя Фотия, поскольку его предшественник, святитель Игнатий, был насильственно смещен с престола и заточен в монастырь, откуда он и апеллировал в Рим, прося вступить за него. Воспользовавшись ситуацией, папа Николай I потребовал возвращения на святительство Игнатия, а, получив вежливый отказ, отлучил святителя Фотия от Церкви. В этой ситуации святителю Фотию ничего не оставалось, как взаимно отлучить от Церкви Римского первосвященника.

Поэтому, естественно, и император Михаил III и Патриарх, святитель Фотий, с радостью приняли посольство Моравского князя Ростислава, предоставлявшее им право и возможность вмешаться в дела Римского Патриархата. Во главе Моравской миссии было решено поставить Константина Философа. В помощь ему из монастыря Полихрон был тут же вызван его брат, игумен Мефодий, как знаток славянского языка и славянских обычаев.

Пока шли приготовления к миссии в Моравию, Константин, зная, что у славян нет собственной азбуки, а переводить богослужебные книги на славянский язык, пользуясь греческим, либо латинским алфавитом достаточно проблематично, решает создать славянскую азбуку. Мефодий помогал брату в создании славянской азбуки. Они создали две буквенные системы: глаголицу и кириллицу (в основе которой лежит греческое унциальное письмо с добавлением букв других азбучных систем).

После создания славянской азбуки Мефодий помогал брату в переводах Евангелия, Апостола и некоторых богослужебных книг. Занимаясь переводами, братья тщательно подбирали себе сотрудинок. В конце концов, были отобраны пять человек – Климент, Наум, Ангиларий, Савва и Лаврентий. По мнению некоторых исследователей, они были славянами, издавна поселившимися на территории Византийской Империи.

После окончания всех приготовлений миссия отправилась в Моравию. Это случилось в 863 году. Весть, что византийцы принесут славянскую грамоту и славянские богослужебные книги; успела далеко упредить прибытие святых братьев в Моравию. Поэтому приняты они были с великой честью, тем паче, что с собой они везли мощи священномученика Климента.

По прибытию в Моравию, Константин Философ продолжил переводить Священное Писание и богослужебные книги; Мефодий с учениками также деятельно помогали ему с переводами. К тому же князь Ростислав отобрал нескольких юношей, которые под руководством святых Константина и Мефодия должны были подготовиться к пастырскому служению. Среди этих юношей особенно выделялся будущий преемник святого Мефодия по архиерейскому служению – Горазд.

Но, несмотря на восторженное расположение к ним князя и народа, у святых братьев никак не складывались отношения с местным ду-

ховенством, большинство из которого были выходцами из Баварии. Они постоянно жаловались на византийских миссионеров: сначала в Пассавскую епархию, затем в Венецианскую, в чью юрисдикцию, по мнению некоторых исследователей, была временно передана Моравия, и, наконец, в Рим, самому папе. Святых братьев обвиняли в ереси, утверждая, что богослужение может совершаться лишь на одном из трех языков: еврейском, греческом или латинском.

Чуть более трех лет провели святые братья в Моравии среди непрерывных козней и интриг со стороны латинского духовенства. Это очень расстроило здоровье более впечатлительного Константина Философа, но Мефодий по-прежнему заботился о брате более, чем о самом себе, старался оградить его от всех происков.

В ТЕНИ ВЕЛИКОГО БРАТА: ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ

В конце концов, святые братья решают вместе с учениками отправиться в Венецию – просить поддержки тамошнего архиерея. По дороге они посетили Паннонию – княжество, находившееся на юго-западе нынешней Венгрии, по просьбе Паннонского и Блатенского князя Коцела. В свое время его отец, Прибина, княжил в Моравии, но был изгнан оттуда предшественником князя Ростислава Моймиром. Крестившись вместе с сыном, он получил поддержку немецких князей, и с их помощью захватил Паннонию. После гибели этого князя в одной из стычек с моравами власть в Паннонии перешла к его сыну Коцелу.

И вот до Паннонского князя дошли известия о том, что в Моравии было устроено славянское богослужение. Сам он, будучи ревностным христианином, очень сожалел, что не имеет ни Священного Писания, ни богослужения на понятном языке. Поэтому, узнав о том, что византийские проповедники проезжают через его владения, князь Коцел пригласил их к себе, чтобы лично узнать о славянских книгах и богослужении на славянском языке. В Паннонии святые Константин и Мефодий задержались почти на целый год, дабы обучить князя и выбранных им людей славянской грамоте.

В одном латинском трактате о деятельности Мефодия в Паннонии говорится так: «Некий грек, по имени Мефодий, прибегая к философским ухищрениям при помощи недавно изобретенных славянских букв, ниспровергнул латинский язык, римское учение и авторитетные латинские сочинения, и сделал так, что весь народ разочаровался в них и отчасти оставил чтение Евангелий и церковную службу тех, кто совершал их по-латински».

По просьбе святых братьев Коцел отпустил всех моравских пленников, находящихся в Паннонии. Впоследствии князь Коцел оказывал огромную поддержку святому Мефодию в его архиерейском служении.

Из Паннонии святые братья с учениками отправились в Венецию. Но вместо поддержки от Венецианского архиерея они обрели целый собор оппонентов, которые считали, что богослу-

жение может вестись только на трех языках: еврейском, греческом и латинском, поскольку на этих языках была надпись на кресте Спасителя. Там же, в Венеции, они получили известие о том, что император Михаил убит, а святитель Фотий низведен с патриаршей кафедры. Но как раз в это время о соборе в Венеции узнал римский первосвященник и вызвал святых братьев в Рим.

В начале 868 года Константин и Мефодий прибыли в Рим. К тому времени папа Николай I, пригласивший их, скончался. Новый папа Адриан II, узнав о том, что святые братья несут в Рим мощи священномученика Климента, собрал клир и с торжественной процессией вышел им навстречу.

Затем, выслушав рассказ святых братьев о создании славянской азбуки, а также о переводе на славянский язык Священного Писания и богослужебных книг, папа Адриан благословил их труды, положив славянское Евангелие на алтаре собора святого апостола Петра. Поступок папы всколыхнул ряды противников святых братьев; они вновь начали обвинять их в ереси, требуя запретить перевод богослужебных книг на славянский язык, так как, согласно их мнению, славить Бога подобало только на тех трех языках, на которых была надпись на Кресте Христовом. Но в ответ на эти нападки Адриан II распорядился, чтобы пасхальные службы в главных римских соборах – святого апостола Петра, святого апостола Павла, святого апостола Андрея, святого Климента, святой Петронил-

лы – были отслужены на славянском языке. На одном из этих богослужений ученики святых братьев были посвящены во иереи и диаконы.

Через несколько месяцев после оказанного им торжественного приема, брат святого Мефодия, святой Константин, тяжело заболел. Предчувствуя приближение кончины, он принял монашеский постриг и схиму с именем Кирилл. Незадолго до смерти он обратился брату с такой просьбой: «Были мы с тобой, брате Мефодие, как два вола в одной упряжи, и вот я, скончав день свой, падаю на борозде и умираю. Знаю, что ты хочешь в монастырь на Олимпе, но прошу, не оставляй учительство, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?» И Мефодий обещал брату, что продолжит его дело. Через 50 дней после принятия схимы, 14 февраля 869 года, святой Кирилл скончался в возрасте сорока двух лет.

Святой Мефодий умолял папу Римского разрешить увезти тело брата для погребения его на родной земле. Он говорил: «Мать наша, отпуская нас на чужую сторону, заклала нас, чтобы тот, который умрет прежде, оставшимся в живых принесен был в свой монастырь». Папа сначала было согласился на просьбу Мефодия, и для далекой перевозки приказал положить тело Кирилла в нарочно приготовленную прочную раку, но многие почитатели его требовали, чтобы прах знаменитого мужа был оставлен в Риме. Вняв их просьбам, Адриан II хотел похоронить святого Кирилла в базилике римских пап. Но

Мефодий понимал, что скромному Кириллу это не понравилось бы. Святого Кирилла похоронили в церкви святого Климента.

МЕФОДИЙ – АРХИЕПИСКОП МОРАВИИ И ПАННОНИИ

Вскоре по кончине святого Кирилла в Рим пришло посольство от Паннонского князя Коцела, просившее отпустить Мефодия в Паннонию. Папа Адриан так ответил посланным: «Не тебе одному только, но и всем тем странам славянским посылаю его учителем от Бога и от святого апостола Петра, первого престолонаследника и держателя ключей от Царствия Небесного».

Затем, направив святого Мефодия в Паннонию, он передал с ним следующее послание: «Адриан, епископ и раб Божий, Ростиславу и Святополку, и Коцелу. Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение, что услышали мы о вас духовное. На это уповали мы с желанием и молитвою, вашего ради спасения, как воздвиг Господь сердца ваши искать Его и показал вам, что не только верою, но и благими делами подобает служить Богу, ведь «вера без дел мертва», и отпадают те, которые «воображают, что знают Бога, но делами отрекаются от Него». Ведь не только у этого святительского престола просили вы учителя, но и у благоверного царя Михаила, чтобы послал он к вам блаженного философа Константина с братом, покуда мы не сделали. Они же, уведав что страны ваши находятся под властью апостольского престола, не сделали

ничего противного канонам, но к нам пришли и принесли с собой мощи сЯгого Климентя. Мы же, тройную радость получив, замыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа, совершенного разумом и правоверного, испытав и посвятив его вместе с его учениками, чтобы учил вас, как вы просили, излагая на языке вашем книги полностью для всего церковного чина, в том числе со сЯгой мессой, то есть службой, и с крещением, как начал философ Константин Божьей благодатью и молитвами сЯгого Климентя. Так же, если и кто иной сможет достойно и правоверно говорить, – да будет сЯго и благословлено Богом и нами, и всей вселенской и апостольской Церковью, чтобы легче обучились вы заповедям Божиим. Только один этот сохранять вам обычай, чтобы во время мессы сначала читали Апостол и Евангелие по-латыни, потом по-славянски. Да исполнится слово Писания, что «будут хвалить Господа все народы», и другое: «И все станут говорить о величии Божиим на разных языках, на которых позволит им говорить СЯгой Дух».

Если же кто из собранных у вас учителей, из тех, кто тешит слух и от истины отвращает к заблуждениям, начнет, дерзнув, вносить между вами разлад, порицая книги на вашем языке, пусть будет отлучен не только от причастия, но и от Церкви, пока не исправится. Ибо они суть волки, а не овцы, что следует по плодам их узнавать и беречься от них.

Вы же, чада возлюбленные, повинуйтесь учению Божиему и не отриньте поучения церковно-

го, чтобы вы стали истинно поклоняющимися Богу, Отцу нашему небесному, со всеми святыми. Аминь».

Из Рима Мефодий направился в Паннонию. Это произошло не только из-за того, что Паннония была территориально ближе к Риму, чем Моравия, но и по более существенным причинам. Во-первых, проезд в Моравию был затруднен из-за войны между Моравией и Баварией – вся страна была наводнена немецкими полчищами, а сам князь сидел в осаде в своем стольном городе. Еще одной причиной стало то, что в Паннонии нужно было повсеместно вводить и славянское богослужение, и обучение славянской грамоте. Начало этому было положено во время первого – по дороге в Рим – пребывания святых братьев в Паннонии.

С большой радостью и величайшими почестями принял Коцел прибывшего к нему Мефодия. Благодаря тому, что за время первого пребывания в Паннонии были подготовлены люди, знавшие славянскую грамоту, по всей стране было введено славянское богослужение. Однако вскоре и князь, и святой Мефодий поняли, что для достойного противостояния латинскому духовенству нужен свой архиерей.

Тогда князь Коцел вновь направляет в Рим святого Мефодия, дав ему в сопровождающие два десятка вельмож, с просьбой рукоположить архиерея для славянских земель. Папа Адриан согласился и рукоположил Мефодия в архиепископа Сирмия Паннонского на древний престол

святото апостола Андроника. Также он еще раз подтвердил разрешение проводить богослужение на славянском языке, с тем ограничением, что Евангелие и Апостол должны читаться сначала по-латыни, а потом по-славянски.

Вернувшись в Паннонию в епископском сане, Мефодий вместе с учениками продолжал распространять богослужение, письменность и книги на славянском языке. За непродолжительный период времени по всей Паннонии было не только устроено славянское богослужение, но и поставлено славянское духовенство.

Вскоре же Моравский князь Ростислав разбил большое войско немецкого короля Людовика и снова пригласил Мефодия в Моравию. Прибыв в Моравию, Мефодий был встречен своей паствой с огромным восторгом. Ученики его, получившие иерейские хиротонии, смогли совершать славянское богослужение по всей стране.

Однако такое благоденствие продолжалось недолго. Племянник великого князя Ростислава, Святополк, желал занять место дяди. Он вступил в сговор с сыном немецкого короля Карломаном. Ростислав, разгневанный изменой Святополка, хотел схватить его, но сам был захвачен им и выдан немцам. Они ослепили Ростислава и заточили его в темницу.

ГОНЕНИЕ НА СЯТОГО

Верный пастырскому долгу Мефодий не мог остаться в стороне от моравской политики: он неоднократно обличал Святополка, и тот, раз-

гневавшись, выдал его Зальцбургскому архиепископу Адальвину. Против святого Мефодия был созван целый собор, на котором присутствовало множество епископов и король Людовик Немецкий.

На этом соборе святого обвинили в том, что он узурпировал юрисдикцию Баварского архиепископа. Когда же ему был задан вопрос: «Кто дал тебе право учить в нашей церковной области?», Мефодий ответил так: «Я сам обошел бы ее стороною, если бы ведал, что ваша. Но она – святого Петра. По правде же, если вы из зависти и жадности вопреки канонам на старые пределы наступаете, препятствуя учению Божию, то берегитесь, чтобы не разлить свой мозг, желая костным теменем пробить железную гору». Дерзновение и достоинство Мефодия страшно разгневали его противников, один из них – епископ Германарих – даже замахнулся на него плетью. Но Мефодий, не утратив твердости, отвечал: «Истину говорю перед царями и не стыжусь, а вы поступайте со мной, как хотите, ведь я не лучше тех, кто в великих муках лишился и жизни за то, что говорил правду».

После долгой дискуссии немецкие епископы так и не смогли убедить Мефодия ни в истинности триязычия, ни своем праве на славянские земли. В конце концов, все прения свелись к угрозам ослепить и искалечить Мефодия. Заметив это, Людовик Немецкий сделал вид, что хочет заступиться за святого, и сказал: «Будет, не трудите больше моего Мефодия, видите, он вспо-

тел, как у печи». Мефодий же на эту насмешку ответил: «Да, государь: раз встретил народ потного философа и спросил его, отчего он потен; философ отвечал, что с невеждами спорил».

Собор принял решение сослать Мефодия в Швабию – епархию Германариха – и заточить в монастыре. По предположениям исследователей это был монастырь в Эльвагенгене. После собора Мефодий отправил гонца в Рим, но гонца перехватили и убили. Около двух лет провел Мефодий в заточении в Швабии, в очень тяжелых условиях. Возможно, его даже пытали.

Наконец известие о заточении Мефодия, по предположению некоторых исследователей от Паннонского князя Коцела, дошло до Рима. Новый папа Иоанн VIII был возмущен, что таким образом обошлись с архиепископом, поставленным по воле Рима. Он послал к немецкому королю епископа Павла Анконитанского с письмом, в котором требовал немедленно освободить Мефодия, и обосновывал законность его поставления в Паннонию и Моравию, как папский диоцез. В случае неподчинения немецких епископов и немецкого короля папскому легату давались полномочия наложить на них интердикт – полный запрет на богослужения.

Под угрозой интердикта в 873 году Мефодия вынуждены были отпустить. По дороге в Паннонию он посетил монастырь Рейхенау, где до нашего времени сохранилась рукопись с его именем.

Сначала Мефодий хотел было вновь поселиться в Паннонии, но немецкий король и его сын Карломан, герцог Каринтийский, стали угрожать Паннонскому князю Коцелу. В частности ему передали следующие слова: «Если будешь держать его у себя, то не разделаться тебе с нами добром». Ожесточение против святого было столь сильно, что папа Иоанн, узнавший об этом, вынужден был вновь писать герцогу Каринтийскому Карломану: «Так как возвращено и восстановлено нами Паннонское епископство, то да будет позволено брату нашему Мефодию, который посвящен туда от апостольского седалища, свободно, по древнему обычаю, совершать то, что принадлежит епископу».

Поэтому Мефодий считал за благо переселиться в Моравию, тем паче, что моравский князь Святополк, вновь рассорившийся с немцами, изгнал из страны все немецкое духовенство, и был готов принять Мефодия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СЛУЖЕНИЕ

Более того, узнав, что святой Мефодий освобожден из заключения и водворился в Паннонии, Святополк писал папе: «Так как прежде отцы наши от святого Петра крещение приняли, то дай нам Мефодия архиепископом и учителем».

Мефодий переехал в Моравию. Князь Святополк принял его, и, несмотря на некоторую прохладность в личных отношениях, стал оказывать поддержку церковной деятельности святого. Благодаря этому Мефодий, как духовный гла-

ва Моравии, устроил и укрепил Церковь. Много времени уделял он христианскому просвещению народа, большая часть которого, формально считаясь христианами, продолжала пребывать в язычестве. Также особенно тщательно подходил он и к подготовке священнослужителей, стремясь наставить будущих ставленников и в церковных правилах, и в Священном Писании, и в святоотеческой литературе.

В пастырской деятельности святому Мефодию приходилось неоднократно разрешать непростые ситуации. Вот некоторые из них. Граничивший с Моравией языческий князь, сидевший на Висле, поносил христиан и совершал набеги на Моравские приделы. Желая оградить свою паству от нападений, Мефодий отправил ему послание, в котором увещевал его обратиться к христианству и прекратить набеги. Но князь не внял совету святого. В скором времени Моравский князь Святополк сам напал на него, захватил его владения, а его самого, взяв в плен, отправил в Моравию. Как архиепископ Моравский Мефодий принял участие в судьбе пленника и вскоре обратил его в христианство.

Другой случай – князь Святополк воевал с язычниками и не имел успеха. Когда же приблизился праздник святого апостола Петра, Мефодий послал к князю послание, в котором говорил: «Если обещается святой Петров день провести с воинами своими у меня, то верую в Бога, что немедленно предаст тебе врагов». Князь послушал архиепископа, и враги действительно были побеждены.

Еще один интересный случай произошел с богатым вельможей и княжеским советником. Он женился в слишком близком родстве, именно – на своей невестке (жене умершего брата). Мефодий неоднократно увещевал его расторгнуть противозаконный брак, но ничего не мог сделать. Не слушая архиепископа, вельможа успокаивал себя речами тех латинских священников, которые рассчитывали на его материальную благодарность и которые ради этого утверждали, что союз его правилен и законен. А затем он и вовсе отвратился от Церкви. Тогда архиепископ обратился к нему с таким увещеванием: «Придет час, когда не смогут помочь эти льстецы, и вспомните мои слова, но ничего сделать уже будет нельзя». Так впоследствии и случилось.

Этот случай особенно ярко высвечивает то обстоятельство, что, даже приняв христианство, жители Моравии в большинстве своем сохранили еще языческие нравы. Они глубоко чтили своего архиепископа, но очень неохотно внимали его внушениям и убеждениям, когда дело касалось перемены нравов.

Одновременно, в связи с политическими успехами Святополка, расширялась славянская Церковь – после того, как власть Моравского князя была признана на Чешских землях, архиепископ Мефодий распространил на них свою проповедь. Вскоре ему удалось обратить в христианство княжескую семью. По мнению исследователей, именно он крестил Чешского князя Боривоя и его супругу Людмилу.

Наряду с архиерейским служением Мефодий продолжает заниматься переводческими трудами. Поскольку перевод Священного Писания, которым они занимались совместно с братом, остался неоконченным, Мефодий продолжает его, занявшись ветхозаветными книгами. Прекрасно понимая все особенности славянского языка, он смог и в одиночестве справиться с этой задачей. Так что его ученикам оставалось взять на себя лишь труд списания – то есть переписки славянских переводов архиепископа. Кроме того, он начинает славянский перевод «Номоканона в 50 главах», а также некоторых святоотеческих творений.

В своем творчестве Мефодий не ограничился только чисто церковными книгами. Основываясь на византийском законодательстве, он составляет так называемый «Закон судный людям». Это правовой кодекс в 32 главах. К переводным статьям Мефодий добавил и собственные главы, содержание которых составляли своеобразные особенности общественных и религиозных сторон жизни Моравии. Этот труд был направлен на улучшение порядка управления в Моравии и других землях, подчиненных князю Святополку.

НОВЫЕ НАПАДКИ И ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ

Но спокойная жизнь и служение святого Мефодия продолжались всего несколько лет. Его давние неприятели – немецкое духовенство – вновь и вновь плели против него интриги. Они опирались на ту часть княжеского окруже-

ния, которая была недовольна нравственной строгостью архиепископа, обличавшего отступления от христианских заповедей. Это была немногочисленная, но достаточно влиятельная группа. Наличие такой партии в окружении князя Святополка позволило латинскому духовенству выступить против архиепископа.

Зачинщиком интриги стал священник Вихинг из Швабии. Появившись при дворе Моравского князя, он, благодаря своим связям в княжеском окружении, быстро расположил к себе Святополка. Моравский князь пожелал видеть этого расторопного священнослужителя в сане викарного епископа (по латинскому произношению епископа-суффрагана). Более того, ему удалось также вкратце в доверие к самому Мефодию.

Упрочив таким образом свое положение в Моравии, Вихинг с единомышленниками направляет донос в Рим. Они обвиняли святого Мефодия, во-первых, в отступлении от догматов Церкви – конкретно же в том, что он исключил *Filioque* (исхождение Святого Духа от Сына) из Символа Веры, а, во-вторых, в том, что он совершает богослужение на варварском, славянском языке. В Риме сторонники триязычия поддерживали этот донос перед папой Иоанном.

В результате папа направил в Моравию два послания – к князю Святополку и к архиепископу Мефодию. Папа Иоанн VIII требовал, чтобы Мефодий явился в Рим и ответил на выдвинутые против него обвинения: «Услышали мы, что ты

в своей проповеди не тому учишь, чему научилась от самого князя апостолов и что ежедневно проповедует святая Римская Церковь, что ты и самый народ совращаешь в заблуждение; посему настоящею апостольства нашего грамотою повелеваем тебе: отложив всякие дела, постарайся явиться к нам как можно скорее, дабы из уст твоих могли мы услышать и узнать истинное твое учение, так ли ты содержишь и так ли проповедуешь, как веровать словесно и письменно обещался ты святой Римской Церкви. Еще слышим, что ты поешь мессы на варварском, то есть славянском, языке. Но еще грамотой нашей, отправленной к тебе с Павлом, епископом Анконитанским, повелевали тебе, чтобы не совершал священные торжества месс на оном языке, но или на латинском, или на греческом, как поет Церковь Божия всей вселенной». Пребывая в послушании Церкви, архиепископ Мефодий немедленно отправился в Рим.

Князь Святополк был очень встревожен таким развитием событий. Вместе с Мефодием он направляет в Рим одного из своих вельмож – некоего Семишина, чтобы тот убедил папу в правоверии князя и архиепископа. Одновременно с ним в Рим отправился и Вихинг с княжьей грамотой на поставление во епископа Нитрийского.

В 880 году Мефодий вместе с моравским посольством прибыл в Рим. До этого времени папа Иоанн VIII почти не знал архиепископа Мефодия. Лишь разбирательство дела в Риме дало им возможность познакомиться. Узнав

Мефодия, Иоанн VIII возымел к нему полное доверие и искреннее уважение. Относительно же самого дела – в ходе разбирательства выяснилось, что Мефодий, отвергая Filioque, вовсе не отвергал вместе с этим православие папы, считая Filioque частным мнением Римской Церкви, не принятым Вселенскими Соборами, но и не еретическим. С этим папа, принявший аргументы Мефодия, вынужден был согласиться. Также и относительно славянского богослужения – Мефодий смог доказать, что ввел его не самочинно, а с благословения предшественника Иоанна VIII – Адриана II. Затем он привел Иоанну VIII все те доказательства, которые некогда приводил Кирилл его предшественнику. И вновь папа согласился с этой аргументацией. И Мефодий был полностью оправдан.

Но в его торжестве была своя ложка дегтя – рукоположение Вихинга во епископа Нитрийского. Впоследствии он неоднократно вредил Мефодию, а по блаженной кончине святого – его ученикам. Но сам Мефодий не имел злобы на своего противника, даже подозревая его в бесчестных интригах, а папа не имел ничего против желания князя Святополка иметь Вихинга Нитрийским епископом.

Затем, с благословениями отпустив Мефодия обратно на его кафедру, папа написал о нем послание к Моравскому государю: «Возлюбленному сыну Святополку, знаменитому графу. Да будет ведомо тебе, что собрат наш Мефодий, почтенный архиепископ святой Моравской Церкви,

вместе с верным твоим Семишином, пришел к порогу святых апостолов Петра и Павла, и став перед наше первосвященническое лицо, ясно доказали нам искренность твоего благочестия и усердие всего твоего народа к апостольскому престолу и нашей отеческой к вам любви. Ибо, по вдохновению Божией благодати, презрев других князей сего века, со всеми твоими верными знаменитыми мужами и со всем народом твоей земли возлюбил ты любовью надежнейшею князя апостольского чина святого Петра и наместника его, избрал его себе во всем покровителем, помощником и защитником и, преклоняя выю свою даже до конца под защиту его самого и наместника его, желаешь благочестивою привязанностью пребыть при помощи Господней усерднейшим сыном. За каковую твою и народа твоего веру и приверженность, распростерши руки апостоличества нашего, объемлем тебя безмерною любовью, яко единокровного сына, и приемлем со всеми подданными твоими в отеческое наше недро, яко овец Господних, нам вверенных, и желаем милосердно питать вас пищею жизни и всегдашними нашими молитвами постараемся ввести вас в двери милосердия всемогущего Господа, дабы возмог ты при заступлении святых апостолов и в сем веке низложить вся противная и после в небесной стране торжествовать со Христом, Богом нашим. Итак, мы вопрошали сего Мефодия, почтенного архиепископа вашего, пред лицом наших братий епископов, так ли

он верует Символу православный веры и поет его на литургии, как исповедует святая Римская Церковь и как утверждено на шести Вселенских Соборах и предано святыми отцами по евангельским словам Христа, Бога нашего. Он же объявил, что исповедует и поет по евангельскому и апостольскому учению, как научает святая Римская Церковь и по преданию святых отцов. Мы же, нашед его во всех церковных учениях и пользах православным исповедником, посылаем паки ко управлению вверенной ему Церкви Божией, повелевая принять его как истинного пастыря с достаточною почестью и радостным сердцем; ибо мы апостольскою нашею властью подтвердили ему преимущество архиепископа и постановили быть всегда твердым при помощи Божией, как установлены и утверждены пребывать властью наших предшественников права и преимущества всех Церквей; притом так, чтобы он сам по каноническому преданию имел попечение о всех делах церковных, но располагал ими, яко пред очами Божиими; ибо ему вверены люди Божии, и он даст ответ за души их».

Относительно же совершения богослужения на славянском языке Иоанн VIII писал так: «Славянские письма, изобретенные некогда философом Константином, которыми воспеваются должные хвалы Богу, по справедливости похваливаем и повелеваем, чтобы на оном языке говорились проповеди и возвещались дела Христа, Бога нашего; ибо Священное Писание

не тремя токмо, но всеми языками восхвалять Господа повелевает, глаголя: хвалите Господа, все языки и восхваляйте Его, все люди, и апостолы, исполнясь Святого Духа, говорили всеми языки величия Божия. Посему и небесная труба Павел гремит, вещая: всяк язык да исповесть, яко Господь наш Иисус Христос во славу Бога Отца, о чем и в первом Послании к Коринфянам довольно и ясно увещевает нас, да, глаголя языки, созидаем Церковь Божию. И ничто не препятствует здравой вере и учению петь литургию на оном же славянском языке или читать святое Евангелие или Божественные поучения Ветхого и Нового Завета, хорошо переведенные и истолкованные, или все другие церковные книги; ибо Кто создал три главных языка, т. е. еврейский, греческий и латинский, Тот же Самый сотворил и все прочие (языки) в славу и хвалу Свою».

Когда же Мефодий отправился в Моравию, Вихинг, испросив его благословения, решил держаться в Риме, замыслив новую интригу.

Возвратившись на свою кафедру в Велеград, архиепископ Мефодий был встречен народом и учениками с великой радостью. Доволен был и князь, получивший послание папы. Однако вернувшийся вслед за святым Вихинг, опиравшийся на недоброжелателей архиепископа и среди латинского духовенства и среди вельмож, стал распространять слухи об осуждении папой Мефодия. Быстро разнеслась по стране ужасная новость, и всюду готовы были поднять плач: «Лишаемся пастыря такого и учителя».

Дабы опровергнуть эту клевету, князь и архиепископ вынуждены были собрать представителей народа и в общем собрании зачитать грамоты, посланные папой князю Святополку, а также ту папскую буллу, которая была выдана в благословение святому Мефодию. В результате этой неприятной истории Мефодий обратился к папе с жалобой и получил буллу, обещающую разорвать спор его с Вихингом.

Визит в Константинополь

Но на этом злоба противников Мефодия не закончилась. Они стали распространять про него новую клевету. В частности о том, что у себя на родине, в Византии, он сильно прогневал императора, и, спасаясь от казни, вынужден был бежать в Моравию. Согласно мнению исследователей, клевета эта имела вид правды: по всей видимости, сочинены были разные подложные свидетельства или даже наняты лживые свидетели (из греков, приходивших в Моравию для торговли).

Естественно, все это не соответствовало действительности – напротив, все время своего пребывания в Моравии Мефодий по мере возможности поддерживал отношения с Византией. Так что некоторое время спустя, когда и до Византии дошли сведения, какой клевете подвергается Мефодий, новый император, вероятно через посредство Патриарха – восстановленного на своем престоле святителя Фотия, прислал ему письмо. Император, изъявляя

Мефодию свое величайшее уважение, просил его не отказываться посетить Константинополь.

Хотя для полного оправдания в глазах паствы подобного письма было более чем достаточно, Мефодий отправился в Константинополь. Некоторые исследователи предполагают, что визит в Константинополь произошел с благословения папы Иоанна, хотевшего заручиться поддержкой Византии против козней немецкого короля. Однако, по мнению других, святой Мефодий, утомленный интригами противников и уклончивостью Рима, хотел отойти от дел и вернуться в родную обитель.

В любом случае, путь в Византию был довольно трудным, как свидетельствует жизнеописание святого: «На всех же путях попадал он во многие напасти от дьявола: в пустынях – к разбойникам, на море – в волненья ветров, на реках – во внезапные смерчи, так что исполнилось на нем слово апостола: «Беды от разбойников, беды в море, беды на реках, беды от лжебратьев, в трудах и подвигах, в постоянном бдении, во многом голоде и жажде», и в прочих печалях, о которых упоминает апостол».

Прибывшего в Константинополь Мефодия император Василий I Македонянин принял с великой честью и радостью. Он заинтересовался славянской азбукой и переводами на славянский язык Священного Писания и богослужебных книг. По воле императора со всех переводов были сделаны списки. Более того, император попросил Мефодия оставить в Константинополе двоих из его учеников – священника и диакона.

Последние годы жизни и кончина святого Мефодия

По мнению исследователей книги, священник с дьяконом были оставлены в Константинополе в связи с христианизацией Болгарии и других славянских стран, входивших в сферу влияния Византии.

Не менее радушно, чем императором, Мефодий был принят и Патриархом Фотием. Будучи близким другом и наставником Константина Философа, святитель был рад встретиться и побеседовать с его братом. Есть предположение, что их беседы касались просвещения славян светом христианской веры, введения в славянских странах богослужения на родном для славян языке. Советы святого Мефодия были весьма ценными и в деле христианизации Болгарии, и относительно просвещения других славянских земель.

Хотя визит в родную страну стал для Мефодия отрадой и утешением, но он не мог надолго оставить свою паству. Простившись с императором и со святителем Фотием, щедро одарившими его, Мефодий направился в Моравию. Вплоть до моравской границы его сопровождал почетный эскорт, данный ему императором.

Последние годы жизни и кончина святого Мефодия

Вернувшись в Моравию, святой Мефодий смог, наконец, закончить все некогда начатые им переводы. Так он перевел все книги Ветхого Завета, кроме Маккавейских, закончил перевод «Номоконона» и отеческих творений. Желая иметь как можно больше экземпляров церков-

ных книг на славянском языке, Мефодий поручил двоим из своих учеников – хорошим скорописцам – переписывание переведенных им книг.

Завершение работы над переводами принесло святому огромное духовное утешение. Но, несмотря на это его архиерейское служение, по-прежнему, было исполнено скорбей, причем источником этих скорбей был тот, кто по своему сану должен был быть его помощником – викарный епископ Вихинг. Князь же Святополк, привязавшийся к этому ловкому человеку, не принимал ничего, чтобы оградить Мефодия от козней Вихинга. В конце концов, терпение даже крайне незлобивого святого Мефодия истощилось. Видя, что Вихинг не только не проявляет никакого послушания своему архиепископу, но и всеми силами разоряет Моравскую Церковь, Мефодий отлучил его от Церкви. После этого Вихинг направился в Рим, к новому папе Стефану, с жалобой на своего епархиального архиерея.

Как раз в это время венгры – языческое угорское племя, начали вторгаться в дунайские страны. На пути их набегов была и входившая в епархию святого Мефодия Паннония. Узнав от захваченных им паннонских пленников о местном архиерее – святителе Мефодии, венгерский король пожелал встретиться с ним. Приглашение венгерского короля огорчило почитателей Мефодия, поскольку венгры-язычники наводили ужас на все дунайские страны. Опасаясь за жизнь архиепископа, они советова-

ли ему отказаться от этого приглашения, говоря, что язычник за тем и зовет к себе православного архиерея, чтобы замучить его до смерти.

Но не таков был Мефодий, чтобы из-за боязни отказаться свидетельствовать о Христе. Он принял приглашение венгерского короля и отправился к нему. Вопреки опасениям доброжелателей, дикий язычник принял христианского святителя с почетом, славою и радостью. Они много беседовали, и хотя Мефодий не смог обратить венгерского короля в христианство, король-язычник проникся большим почтением к православному святителю. Отпуская Мефодия в Моравию, он богато одарил его и просил: «Поминай меня всегда, честный отец, в святых твоих молитвах».

Вскоре по возвращении от венгров святой Мефодий был предуведомлен Богом о скорой кончине. Собрав своих учеников, он поведал им это. Покидаемые святителем ученики желали знать волю учителя относительно преемника ему на архиепископской кафедре. Они спросили Мефодия: «Кто, считаешь ты, честный отец и учитель, среди учеников твоих был бы преемником тебе в учительстве твоём?» Своим преемником святой Мефодий назвал Горазда, сказав: «Этот из вашей земли свободный муж, научен хорошо в латинских книгах, правоверен. Пусть будет Божия воля и ваша любовь, как и моя».

Почувствовав себя плохо, Мефодий поспешил проститься со своей паствой. В Вербное воскресенье он, войдя в церковь, благословил кня-

зя, клириков, и весь народ, и сказал: «Стерегите меня, дети, три дня». Так и было. На третий день утром – это был вторник Страстной Седмицы – со словами: «В руки Твои, Господи, влагаю душу мою» он почил на руках своих учеников. Это было 6 апреля 885 года. Святому архиепископу Мефодию было около 60 лет.

Приготовив его к погребению и воздав ему достойную честь, отслужили ученики его церковную службу по-латыни, по-гречески и по-славянски и положили его в соборной церкви Велеграда. По всей Моравии стоял великий плач по святом архиепископе.

Ныне место его захоронения неизвестно.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий почитаются и в Православии, и в католичестве. В Русской Православной Церкви дни памяти святых: Кирилла – 14 февраля (по юлианскому календарю), Мефодия – 6 апреля (дни преставления), а обоих святых братьев – 11 мая. В католической церкви день памяти святых – 14 февраля.

Вероятно, прославление творцов славянской письменности состоялось вскоре по кончине святого Мефодия, но точная дата неизвестна. Согласно предположениям исследователей, почитание святых началось среди их учеников, после разгрома Моравской миссии бежавших в Болгарию. Из Болгарии почитание святых братьев перешло в западные, а затем и на другие области Византийской Империи.

Почитание святых Кирилла и Мефодия в Русской Церкви

Почитание этих святых в Русской Церкви началось практически сразу же после Крещения Руси. По предположениям исследователей, оно пришло на Русь из Болгарии вместе со священными и богослужебными текстами на славянском языке.

Свидетельства такого почитания сохранились в Месяцеслове древнейшей русской датирован-

ной рукописи – Остромирова Евангелия, переписанного диаконом Григорием в 1056 году для новгородского посадника Остромира, где под 14 февраля значится память святого Кирилла. Подобное же указание на память святого Кирилла и в Архангельском Евангелии 1092 года.

Рассказ о подвиге равноапостольных братьев сохранился и в Повести временных лет, составленной в XII веке: «Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к цесарю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас, и объяснял святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, потому что не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, цесарь Михаил созвал всех философов и передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. И есть у него сыновья, знающие славянский язык; оба сына у него искусные философы». Услышав об этом, цесарь послал за ними ко Льву в Селунь со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к цесарю, и сказал он им: «Вот, прислала ко мне славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их цесарь и послал их в славянскую землю к

Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же они, Константин и Мефодий, пришли, то начали составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что слышали они о величии Божиим на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят Бога все народы», и другое: «Пусть все восхвалят своими языками величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на месте святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца».

Также свидетельством древнего почитания равноапостольных братьев на Руси является изображение святых Кирилла и Мефодия на фреске XII века в жертвеннике и на столпах южного придела во имя святых Антония и Феодосия в Софийском соборе в Киеве.

Церковное почитание невозможно без почитания богослужебного – древнейшие церковные службы в честь святых братьев сохранились в рукописных списках от XI–XIII веков. Эти церковно-богослужебные чины также были принесены на Русь из Болгарской Церкви.

До нас дошли и житийные тексты, имевшие хождение на Руси. Рукописный памятник XIII века – «Успенский сборник» – включает в себя Житие святого Мефодия и Похвалу святым братьям. А древнейшим списком Жития святого Кирилла является рукопись XV века из библиотеки Московской Духовной Академии.

В конце XIV века наступает новый подъем церковно-богослужебного почитания святых просветителей, связанный с массовой эмиграцией единоверных славян на Русь от турецкого ига, о чем дают ясное представление рукописные службы в честь славянских апостолов, хранящиеся в Государственной Публичной Библиотеке в Петербурге.

Впоследствии, благодаря Четьям-Минеям Московского святителя Макария, в русской литургической традиции было утверждено общее празднование святым Кириллу и Мефодию 11 мая. В Четьи-Минеи святителя Макария собра-

ны все разновидности Житий святых Кирилла и Мефодия, а также и похвальные слова первоучителям словенским.

В составленных в конце XVII века святителем Димитрием Ростовским «Житиях святых» за основу были взяты пространные Жития. Святитель Димитрий дополнил их обширным историческим материалом, как славянским, так и греческим. Этот материал был им тщательно отобран и критически исследован. Данная житийная редакция получила наибольшее распространение в России, что, несомненно, способствовало укреплению почитания святых просветителей славян.

Некоторое ослабление богослужебного почитания святых Кирилла и Мефодия происходит в конце XVII – начале XVIII века. Большую роль в этом отношении сыграла правка официального печатного Месяцеслова в 1682 году.

Затем, уже в XIX веке, начинается подъем национального самосознания во многих славянских странах и народах. Естественно Православная Россия не может не отозваться на это движение. В начале 1861 года Смоленский епископ Антоний (Амфитеатров) обратился к обер-прокурору Святейшего Синода, графу Толстому, с прошением, в котором писал, что память славянских апостолов святых Кирилла и Мефодия, которым славянские народы обязаны просвещением верою Христовою и переводом на их родной язык Священного Писания и богослужебных книг, положена в Церкви Православной 11 мая, но память эта должна чтиться подобающим образом.

С этой целью он сам составил Службу, каковую и предложил на усмотрение Святейшего Синода.

Святейший Синод внимательно рассмотрел прошение владыки Антония, а текст составленной им Службы был послан святителю Московскому Филарету, а также епископам Тверскому Филофею и Могилевскому Евсевию. После одобрения ими проекта службы, Святейший Синод вынес решение, что служба святым Кириллу и Мефодию составлена в соответствии с жизнью их и в духе Православной Церкви и что нет препятствий для ее напечатания и включения в Минею 11 мая. Впоследствии эта служба была принята и в Сербской Церкви.

В рамках празднования тысячелетия России 11 мая 1862 года во всех храмах Российской Империи была совершена торжественная служба в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В следующем, 1863, году Святейшим Синодом было установлено празднование святым равноапостольным Кириллу и Мефодию ежегодно 11 мая (по юлианскому календарю) «в память совершения тысячелетия от первоначального освящения нашего отечественного языка Евангелием и верою Христовою».

К тысячелетию кончины святого Мефодия, отмеченной 6 апреля 1885 года, Святейший Синод своим специальным посланием почтил память первоучителей славянских и призвал всю Русскую Церковь отметить этот день совершением всенощного бдения в канун памяти свя-

тых братьев, а после Божественной литургии совершить молебствие с крестным ходом. В духовных школах состоялись торжественные акты с докладами о жизни и подвигах святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В том же году указом Святейшего Синода память 11 мая была отнесена к средним праздникам со бдением. Одновременно одним из студентов Петербургской Духовной Академии был составлен акафист святым Кириллу и Мефодию. Он представил свое творение на рассмотрение Святейшего Синода – акафист этот был одобрен. Первое издание акафиста вышло в 1886 году.

В 1901 году Святейшим Синодом было определено совершать ежегодно в храмах при всех учебных заведениях духовного ведомства торжественное всенощное бдение накануне и литургию с последующим молебном Мефодию и Кириллу в самый день 11 мая, с освобождением учащихся от занятий. К 11 мая в церковных школах также приурочивался ежегодный выпускной акт.

После революции, в связи гонениями на Церковь, почитание святых Кирилла и Мефодия на некоторое время заглохло. Более того, большевики покушались и на наследие святых братьев – кириллицу. В 1920-х годах А.В. Луначарский выдвинул идею латинизации славянской азбуки, поскольку: «русская азбука отчуждает нас от Запада и от Востока». К счастью, его идеи не были приняты.

В 1985 году, когда славянские народы отмечали 1100-летие со дня кончины святителя Мефодия, архиепископа Моравского и

Паннонского, по инициативе советской власти 24 мая был объявлен «праздником славянской культуры и письменности». С 1986 года в различных городах России 24 мая проводился так называемый «Праздник письменности». Естественно, религиозная составляющая этого события всячески замалчивалась.

Все изменилось с началом перестройки. 30 января 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановление о ежегодном проведении Дней славянской письменности и культуры. С этого времени государственные и общественные организации, совместно с Русской Православной церковью, стали проводить Дни славянской письменности и культуры.

В период празднования Дней славянской письменности и культуры в Успенском соборе Кремля во всех храмах России проходят Божественные литургии, крестные ходы, детские паломнические миссии по монастырям России, научно-практические конференции, выставки, концерты.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ежегодная Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Кирилло-Мефодиевские чтения» проходит в мае в Москве. Она призвана объединить отечественных и зарубежных специалистов-гуманитариев, изучающих лингвистические, литературоведческие, исторические и философские основы славянской культуры. Цель чтений – рассмотреть сущность

славянской культуры в следующих аспектах: истоки, традиции и их воплощение в современной науке, взаимодействие с другими культурами.

Ориентируясь на поставленную цель, Организационным комитетом разработана трехступенчатая структура мероприятия. Чтения включают 5 самостоятельных конференций (форумов), объединенных общей идеей, которую можно сформулировать следующим образом: «Вклад славянского, в частности, русского наследия в мировую культуру бесценен и требует всестороннего научно-практического изучения». Каждый форум включает ряд секций, подсекций и круглых столов, рассматривающих более частные научно-методические проблемы.

Форумы «Кирилло-Методиевских чтений»

Вопросы языка и литературы в современных исследованиях

Задача форума – объединить специалистов в области отечественного языкознания и литературоведения, исследующих историю и современное состояние русского языка и литературы, рассмотреть развитие языка, особенности сохранения в нем традиций прошлого и обретения нового. Литературоведческие секции позволяют обобщить опыт изучения духовно-нравственного богатства отечественной литературы, представить ее наследие в образе универсального связующего звена между мудростью прошлого и современной действительностью.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Форум «Филологическое образование в школе и вузе» призван обобщить теоретический и практический опыт передачи филологических знаний современным школьникам и студентам. Особое внимание уделяется проблеме преподавания русского языка как иностранного. Очевидно, что распространение его в мире – важнейшая задача современных отечественных ученых. Разработка и обобщение методов и форм обучения иностранцев русскому языку является одной из ведущих задач форума.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование истории и современного состояния славянской культуры невозможно без обращения к многовековому опыту Православия. Будучи светской, современная художественная словесность часто обращается к христианской этике, использует религиозные мотивы и образы. Данный форум объединяет исследователей в области истории, лингвистики, литературоведения, искусствоведения, педагогики. В его рамках с докладами выступают как светские ученые, так и священнослужители, имеющие высшее гуманитарное образование.

Диалог культур: Россия – Запад – Восток

Данный форум призван исследовать проблему взаимообогащения и взаимовлияния славянской и других культур. Речь идет о языковых и литера-

турных связях, исторической, духовной общности. Отдельное внимание участниками форума уделяется вопросам преподавания культуры других народов в современной российской школе. Традиционно конференция подразделяется на три направления. Участники одного из них исследуют проблему диалога культур славянских народов (Беларусь, Болгария, Сербия, Словакия, Польша, Украина, Чехия). Другое направление призвано рассмотреть исторические и филологические аспекты взаимодействия русской и западноевропейской культур, а также особенности поэтики зарубежной словесности, как в литературоведческом, так и в методическом аспектах. Еще одно направление форума посвящено изучению диалога культур в системе Россия – Восток.

ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

«Форум молодых ученых» ориентирован на решение учебно-научных задач и призван сформировать у студентов-филологов и учащихся гимназий и школ навыки научно-исследовательской работы, а также умение выступать с результатами собственной работы, участвовать в дискуссии, аргументированно доказывать свою позицию, прислушиваться к советам аудитории и научного руководителя. В рамках форума предусмотрен широкий тематический спектр: секционные заседания посвящены проблемам истории и современного состояния русского языка, межкультурной коммуникации, филологического анализа текста, истории русской и зарубежной литературы.

ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В БОЛГАРИИ

Во всех славянских странах – православных или католических – чтят память святых Кирилла и Мефодия, но совершенно особенное место почитание славянских просветителей занимает в болгарской культуре. Возможно именно потому, что христианство в Болгарии утвердили именно бежавшие из Моравии ученики равноапостольных братьев.

Несмотря на то, что Крещение Болгарии произошло около 865 года, процесс христианизации шел очень медленно. В стране произошло несколько восстаний язычников, богослужение шло на греческом языке, а царь Борис, ставший инициатором принятия христианства, не доверял византийцам и пытался договориться с римским папой. Одновременно и Константинопольский Патриарх – святитель Фотий – не мог найти достаточное количество священников, готовых служить в Болгарии.

Поэтому, когда ученики святых Кирилла и Мефодия были изгнаны из Моравии, их с большой радостью приняли в Болгарии. Впоследствии к ним присоединились и другие ученики святых братьев, проданные в рабство по настоянию латинского духовенства и выкупленные византийцами.

Благодаря их трудам, за несколько десятилетий Болгария была христианизирована. Одновременно с христианизацией в Болгарию

пришло и почитание святых братьев. Более того, среди болгар родилась легенда о том, что святые Кирилл и Мефодий, отлучаясь из Моравии, имели непосредственное отношение к Крещению Болгарии.

Под влиянием учеников святых братьев их болгарские последователи выдвинули тезис о том, что славянская письменность священна, поскольку Бог открыл ее такому святому человеку, как Кирилл. Таким образом, во мнении болгар, славянская письменность превозносилась выше греческой, которая осталась еще от языческих времен. Созданные в Болгарии богослужебные тексты подчеркивали, что святые Кирилл и Мефодий были посланы славянам Богом, и отсюда делался вывод, что все славяне входят в сферу влияния Болгарского царства. Таким образом, память о святых братьях и деле их жизни связывалась с духовной и культурной жизнью Болгарии.

В X веке почитание святых Кирилла и Мефодия в Болгарии возрастало. Солунские братья стали для болгар знаменем независимости кириллической письменности. Однако уже в конце X – начале XI века почитание святых братьев было приостановлено войнами с Византийскими императорами Иоанном Цимисхием и Василием Болгаробойцей, в результате которых Болгарское царство попало под протекторат Византии, автокефалия Болгарской Церкви была упразднена и вместо нее была учреждена Охридская архиепископия.

Лишь после восстановления Болгарского царства, в 1185 году, начало возрождаться официальное почитание святых просветителей славян, Кирилла и Мефодия. На соборе в Тырново в 1211 году их имена были внесены и синодик царя Бориса – догматический и вероисповедный документ. Так состоялось официальное прославление святых братьев Болгарской Церковью.

На протяжении последующего времени почитание святых братьев в Болгарии продолжалось – им было установлено общее празднование – 6 апреля, их Жития пользовались в Болгарии огромной популярностью, в их память было составлено множество богослужебных текстов.

После завоевания Болгарии турками, независимость Болгарской Церкви была вновь упразднена – она была передана в ведение Константинопольского Патриархата. Как и ранее, это несколько приглушило почитание святых просветителей славян.

Однако в начале XVIII века по инициативе архиепископа Охридского Иоасафа вновь начинается память этих святых. Несмотря на свое греческое происхождение, он испытывал огромный интерес к духовному прошлому Болгарии. Возможно, служение святых братьев стало путеводной звездой его собственного служения. Примерно в этот же период устанавливается дата церковного почитания святых Кирилла и Мефодия: 11 мая по старому стилю, 24 – по новому. Как предполагают исследователи эта дата

была установлена благодаря Четьям-Минеям святого Димитрия Ростовского, весьма популярным у всех православных славян в XVIII веке.

Впоследствии, в XIX веке, в Болгарии, томившейся под турецким игом, почитание святых Кирилла и Мефодия стало залогом национального возрождения и освобождения. Впервые праздник болгарской письменности, на котором чествовали создателей славянской азбуки, прошел в 1803 году в Шумене. В 1851 году по инициативе Найдена Герова этот праздник стали отмечать не только в Шумене, но и в других болгарских городах. В 1856 году чествование святых Кирилла и Мефодия стало национальным праздником болгар, в то время еще находившихся под турецким владычеством.

Несколько лет спустя, в 1858 году, почитание святых равноапостольных братьев, к сожалению, стало символом противостояния болгар Константинопольскому Патриархату, что впоследствии привело к расколу. 11 мая 1872 года первый Экзарх Болгарской Церкви Анфим, вопреки запрету Константинопольского Патриарха, совершил в болгарском храме Константинополя литургию, во время которой был торжественно прочитан акт об автокефалии Болгарской Церкви. Константинопольский Патриархат автокефалию не признал.

В 1892 году Стоян Михайловский написал текст гимна, названного «Гимн святых Кирилла и Мефодия». Популярность этого произведения была очень велика. И в 1900 году Панайот

Пипков написал музыку к нему. Гимн состоит из 14 строф, из которых обычно исполняют первые шесть.

В 1916 году, с введением в Болгарии Григорианского календаря, церковный и светский праздник был объединен в один – 24 мая, когда одновременно чествуют и болгарскую культуру, и святых Кирилла и Мефодия.

В отличие от других стран социалистического лагеря, в Болгарии и во время правления коммунистической партии этот день отмечался с большой торжественностью. В каждом городе устраивались различные культурные мероприятия – школьники украшали изображения святых братьев венками живых цветов, устраивались праздники букв, викторины. Кроме того, научные деятели, преподаватели школ и вузов возлагали венки и цветы к памятникам Кириллу и Мефодию.

С падением социалистического режима почитание святых Кирилла и Мефодия не уменьшилось. 30 марта 1990 года Народное собрание Болгарии объявило 24 мая общенациональным праздником – Днем болгарского просвещения, культуры и славянской письменности.

По-прежнему в этот день в Болгарии устраиваются многочисленные культурные мероприятия – повсюду звучит «Гимн святых Кирилла и Мефодия», к многочисленным памятникам святым братьям возлагают цветы, устраиваются книжные ярмарки, поэтические чтения, различные выставки. Одновременно неделя около 24 мая – пора выпускных балов.

НАСЛЕДИЕ

Трудно переоценить значение наследия святых Кирилла и Мефодия. Благодаря их трудам славянские народы смогли приобщиться не только к христианской вере – и до них византийские и латинские миссионеры обращали славянские племена и народы в христианство, но и к византийской культуре.

В отличие от Запада в Византии не была ярко выражена так называемая «ересь триязычия» – когда достойными славить Бога признавались только три языка – надписанные на Кресте Господнем – еврейский, греческий и латинский. Однако же перевод богослужения и Священного Писания на национальные языки считался делом самих обращенных в христианство народов – в том случае, если письменность и литература у них уже существовала. Так было с грузинами, с готами и многими другими народами.

Но чем можно было помочь народу, письменность которого составляли «четы и резы»? Как сказал император Михаил, к которому пришло Моравское посольство: «Дед мой и отец мой, и другие многие пытались найти письмена для славянского языка, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И не только он, но и учнейший муж Византии – Патриарх, святитель Фотий – недоумевал, что здесь можно поделать.

Поэтому, при крещении Болгарии, произошедшем как раз во время Моравской миссии святых Кирилла и Мефодия, и речи не было о переводе Священного Писания и богослужения на славянский язык. Вот как пишет об этом историк Е. Голубинский: «Болгары и сербы давно жили в пределах империи, и весьма естественно было бы грекам позаботиться о переводе своих вероучительных и богослужебных книг на язык того или другого из этих славянских племен: перевод был необходим, потому что довольно значительно было число принимавших христианскую веру; перевод был чрезвычайно важен, потому что он ускорил бы полное обращение названных племен в христианство; между тем, к удивлению своему, видим, что представителям Греческой Церкви не приходило на ум и мысли о подобном деле».

Современники святых братьев не верили в то, что можно создать богослужебный язык и письменность для бесписьменных народов, каковыми тогда были славяне. Поэтому, творение солунских братьев сразу резко изменило ситуацию.

После того, как славянское богослужение было введено в Моравии и в Паннонии, труд святых Кирилла и Мефодия оценили и на Западе, и на Востоке. Римские первосвященники Адриан II и Иоанн VIII дали им свое благословение. А несколько лет спустя император Василий Македонянин и святитель Фотий пригласили святого Мефодия – его брат к тому времени уже

отошел ко Господу – в Константинополь, дабы посоветоваться с ним о возможности введения славянского богослужения и просвещения в Болгарии и других славянских землях. Впоследствии именно туда ученики святых братьев после изгнания из Моравии перенесли центр славянского просвещения.

С того времени и доныне наследие святых Кирилла и Мефодия имеет огромное значение для всех славянских народов. Говоря об этом, хотелось бы остановиться на основных творениях святых братьев – это церковно-славянский язык, азбука и грамматика.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Церковно-славянским называется язык, созданный святыми братьями Кириллом и Мефодием. Церковно-славянский язык никогда не был языком разговорного общения – ни одна из его форм не тождественна древнеславянскому языку IX века. С самого начала церковно-славянский язык стал языком богослужебным. Кроме того, он был языком высокой литературы – отеческих творений, житийной литературы и летописей.

Как литературный, он был нормированным языком, причем норма определялась не только местом, где был переписан текст, но также характером и назначением самого текста. Элементы живого разговорного (русского, сербского, болгарского) языка могли в том или ином количестве проникать в церковно-славян-

ские тексты. Норма каждого конкретного текста определялась взаимоотношением элементов книжного и живого разговорного языка. Чем важнее был текст, тем архаичнее и строже языковая норма. В богослужебные тексты элементы разговорного языка почти не проникали. Книжники следовали традиции и ориентировались на наиболее древние тексты. Параллельно с текстами существовала также деловая письменность и частная переписка. Язык деловых и частных документов соединяет элементы живого национального языка (русского, сербского, болгарского и т.п.) и отдельные церковно-славянские формы.

Церковно-славянский язык до XVIII века употреблялся в России в качестве одной из разновидностей русского литературного языка. Развитие собственно русского литературного языка в XVIII века, в ходе которого в нем были упорядочены элементы разговорного, делового и высокого стиля, привело к тому, что русский язык стал пригоден к выражению более широкого круга понятий, в то время как сфера употребления церковно-славянского языка постепенно сузилась, так что сейчас церковно-славянский язык используется в основном в Церкви.

АЗБУКА

Церковно-славянская азбука содержит около 40 букв, некоторые из которых представлены более чем одним вариантом написания (неопределенность с числом букв связана с

неоднозначностью границы между разными буквами и разными вариантами одной буквы). Используются многочисленные надстрочные знаки (три вида ударения, придыхания, три сочетания придыхания с ударениями, ерок, кендема, краткая, простое титло, разнообразные буквенные титла).

Но до наших дней дошла не одна славянская азбука, а две: глаголица и кириллица. Обе существовали в IX–X веках. В обеих для передачи звуков, отражающих особенности славянского языка, были введены специальные знаки, а не сочетания двух или трех основных, как практиковалось в алфавитах западноевропейских народов. Глаголица и кириллица почти совпадают по буквам. Порядок букв тоже практически один и тот же. Имена, данные буквам славянского алфавита, одинаковы в глаголице и кириллице.

Но при этом буквы в глаголице и кириллице имели совершенно разную форму. Буквы кириллицы геометрически просты и удобны для письма. 24 буквы этой азбуки заимствованы из византийского уставного письма. К ним добавили буквы, передающие звуковые особенности славянской речи. Добавленные буквы имели такой вид, чтобы сохранялся общий стиль азбуки.

А буквы глаголицы невероятно замысловаты, с завитками и петельками. Среди отечественных памятников текстов, написанных глаголицей, практически не сохранилось. Все глаголические тексты дошли до нас от западных и южных славян.

Уже более века исследователи задаются вопросом: какая из двух азбук была создана святыми Кириллом и Мефодием? К сожалению, ответить на него окончательно так и не удалось. Однако существует ряд вариантов, которых придерживаются различные исследователи.

Первый – святой Кирилл (тогда еще Константин Философ) с братом создали глаголицу, а кириллица – результат ее позднейшего усовершенствования на основании греческого уставного письма. В основном та часть исследовательского сообщества, что придерживается этой версии, считает автором кириллицы одного из учеников святых братьев Константина Преславского.

Второй вариант – святые братья создали глаголицу, а кириллица к этому времени уже существовала.

Третий вариант – святые братья создали кириллицу, для чего использовали уже существовавшую глаголицу, переработав ее по образцу греческого устава.

Четвертый вариант – Кирилл и Мефодий создали кириллицу, а глаголица развивалась как «тайнопись», когда католическое духовенство обрушилось на книги, написанные кириллицей.

Существуют и другие версии на этот счет.

Среди множества вариантов определенный интерес вызывает версия, выдвинутая Р. Байбуровой. Согласно этой версии обе азбуки создал Константин Философ. Она предполагает, что сначала он создал глаголицу – когда в

850-х годах вместе с братом и помощниками сидел в монастыре на Олимпе, «занимаясь только книгами», одновременно выполняя поручение императора. Уже не раз византийские проповедники шли к славянам, желая обратить их в христианство. Но, не имея славянской азбуки, они не могли перевести на славянский язык богослужебные тексты. Еще одной проблемой было то, что славяне не доверяли византийцам. Следовательно, надо было ненавязчиво предложить им, как бы «независимую» от имперской, собственную письменность. Глаголица вполне отвечала необходимым требованиям: по содержанию она достойна талантливого ученого, а по форме выражала определенно самобытное письмо. Это письмо было, видимо, без каких бы то ни было торжественных акций, как бы исподволь «пущено в оборот» и стало использоваться на Балканах, в частности в Болгарии, принявшей крещение в 858 году.

Когда же моравские славяне сами обратились к Византии с просьбой о христианском учителе, примат Империи, выступавшей теперь учителем, можно и даже желательно было подчеркнуть и продемонстрировать. Моравии скоро были предложены кириллица и перевод Евангелия, сделанный кириллицей. Эту работу тоже проделал Константин Философ. На новом политическом витке славянская азбука представала (а для Империи это было очень важно) как «плоть от плоти» византийского уставного письма. Тут уж нечего удивляться и быстрым срокам,

указанным в «Житии Константина». Теперь действительно много времени не требовалось – ведь главное было сделано раньше. Кириллица стала чуть-чуть совершеннее, но фактически – это переодетая в греческий устав глаголица.

До нашего времени в «живом» богослужбном состоянии дошли обе славянские азбуки – и кириллица, и глаголица. В Православных Поместных Церквях – Русской, Болгарской, Сербской и непризнанной Македонской для издания богослужбной литературы используется кириллица.

А в некоторых областях католической церкви до наших дней в качестве алфавита для богослужбной литературы используется глаголица. Богослужение по эти книгам называется глаголическим обрядом. Глаголический обряд – литургическая традиция в рамках латинского обряда католической церкви, отличающаяся от его римской формы тем, что вместо латыни в нем используется церковно-славянский язык. Богослужбные книги для этой литургии издавались с использованием глаголицы. Глаголический обряд распространен в некоторых регионах Хорватии (преимущественно вдоль побережья и на северных островах Адриатики), а также отчасти в Чехии и южной Польше.

Несмотря на несколько запретов, исходивших из Рима, и активное противодействие властей Германской империи, ученики святых братьев и их последователи смогли отстоять

славянское богослужение. Так что, в конце концов, римская курия вынуждена была признать и благословить глаголический обряд. Лишь реформы II Ватиканского собора несколько уменьшили его значение.

ГРАММАТИКА

Работая над созданием церковно-славянского языка, святые братья взяли за основу греческую грамматику. С того времени и до наших дней грамматика и орфография церковно-славянского языка довольно строги и единообразны, хотя в ряде случаев возможны варианты написания, поскольку всеобъемлющего свода правил, подобного существующим для русского языка, для церковно-славянского языка нет.

Такие парадоксы церковно-славянской грамматики связаны с тем, что в древности и средневековье система обучения языкам, как иностранным, так и родным была несколько иной. Языковых учебников не существовало в принципе. Если речь шла об обучении правописанию родному языку, то ученик заучивал буквы, и затем в процессе обучения чтению изучал те или иные грамматические правила. Подобным же образом дело обстояло и при обучении иностранным языкам, с единственным отличием, что, учась читать на нем, обучающиеся заучивали слова.

Первые учебники по грамматике церковно-славянского языка появляются лишь в XVII веке.

Сочинения

Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян, не только творцы церковно-славянского языка, но и авторы нескольких сочинений. Известно, что Константин Философ – участник многих диспутов – оставил ряд богословских трактатов. Но, к сожалению, все эти трактаты были утрачены. До нас дошли лишь небольшие отрывки, вошедшие в «Пространное Житие» святого Кирилла. В отрывках же дошли до нас произведение святого Кирилла «Исповедание веры» и принадлежащее его брату Мефодию «Увещение князю».

Еще одно произведение уже несколько столетий вызывает оживленные споры исследователей – это Азбучная молитва. Одни ученые считают, что ее написал сам создатель славянской азбуки – святой Кирилл. Другие ученые приписывают авторство этого произведения ученику святых братьев, выдающемуся литератору и церковному деятелю, Константину Преславскому (епископу Преслава Великого), жившему на рубеже IX – X веков.

Но в любом случае эта молитва безусловно входит в наследие святых Кирилла и Мефодия. В древнерусской письменной традиции Азбучная молитва была широко распространена, о чем свидетельствует множество ее вариантов. Поэтический прием акростиха использовался и до появления толковых азбук у славян – византийские гимнографы следовали ему при написании церковных песнопений и гимнов.

АЗБУЧНАЯ МОЛИТВА

Аз словом сим молюся Богу:
Боже всея твари Зиждителю,
Видимым и невидимым,
Господа Духа посли Живущего,
Да вдохнет в сердце ми слово,
Еже будет на успех всем,
Живущим в заповедех Ти.
Зело бо есть светильник жизни
Закон Твой, свет стезям,
Иже ищет Евангельска слова
И просит дары Твоя прияти.
Ко крещению обратишася вси,
Людие Твои нарещися хотяще,
Милости Твоя, Боже, просят зело,
Но мне ныне пространно слово даждь,
Отче, Сыне и Пресвятый Душе,
Просящему помощи от Тебе.
Руце бо свои выпрь воздею присно,
Силу прияти и мудрость у Тебе.
Ты бо даеши достойным силу,
ипость же всякую целиши.
Упование всех концов земли,
Фараона мя злобы избави.
Херувимскую ми мысль и ум даждь.
О, Честная Пресвятая Троице,
печаль мою на радость преложи.
Целомудренно да начну писати
Чудеса Твои предивные зело
Шестокрылатых силу восприиму
Шествую ныне по следу Учителю,
имени Его и делу последую.

Явным сотворю Евангельское слово,
хвалу воздая Троице в Божестве,
Юже поет всякий возраст,
юн и стар своим разумом,
Язык нов, хвалу воздая присно Отцу,
Сыну и Пресвятому Духу,
Емуже честь и держава и слава от вся твари
дыхания во вся веки и навеки. Аминь.

Аз есмь свет миру,
Бог есмь прежде всех век,
Ведаю всю тайну в человеце и мысль,
Глаголю людям закон Мой.
Добро есть творящим волю Мою,
Есть гнев Мой на грешники.
Живот дах всей твари.
Зло есть законопреступником.
Ни на чем Землю утвердих,
Престол мой, Иже на небесех,
И шед на адова врата сокруших
и верей железныя сломих.
Како людие беззаконии
не сотвористе воли Моея,
Людие Мои непокорные
Мыслете на Мя злая?!
Наш еси Бог и заступник!
Оны Моя призову языки
и тии Мя прославят,
Покой дах всей твари Своей.
Речете Ми слово не творящие воли Моея,
и не услышу вас.

Словом Моим вся утвердишася.
Тверди рука Твоя, Владыко!
Фараона потопих в Чермном мори,
Херувими служат Мне со страхом,
Отверзу рай христианом.
Ци не дах вам пища в пустыни?
Червь и огонь уготовах на грешники –
Шумом и попалит дубравы.
Щитом вооружихся на брань,
Горы взыграшася явлением Моим,
Йордань освятится крещением Моим,
Ересь погубих,
Югом ветром развею всю вселенную,
Юже Мя пророци проповедоша
и апостоли еже о Мне научиша.

**АКАФИСТ
СВЯТЫМ РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ
МЕФОДИЮ И КИРИЛЛУ,
УЧИТЕЛЕМ СЛАВЕНСКИМ**

Кондак 1

Избранныи от Царя сил Господа Иисуса во апостоли языком словенским, Мефодие и Кирилле богомудрии, песньми восхваляем вас, предстателей наших; вы же, яко имущии дерзновение ко Господу, от всяких нас напастей предстательством вашим свободите, зовущих: Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Икос 1

Ангелов Творец и Господь сил предустави вас быти просветители языком словенским; того ради и благодать Его бе с вами, ограждаючи и укрепляючи вас во вся дни живота вашего, юже помощницу себе имуще, славу Божию во градах и пустынях дела и словесы вещали есте всем. Темже и мы, яко отрасль язык, верою Христовою от вас просвещенных, воспеваем вам, глаголюще:

Радуйтесь, радости Евангельския благовестителие;

Радуйтесь, чудодейственные благодати носителие.

Радуйтесь, скорби многи за имя Господне приявшии;

Радуйтесь, прелести мира сего отвергшии.
Радуйтесь, издетска Богом благословеннии;
Радуйтесь, венцы исповедническими от
Него украшеннии.

Радуйтесь, яко славу человеческую презревше, в пустыни Господа искали есте;

Радуйтесь, яко волю Его сильным мира сего со многим дерзновением благовестили есте.

Радуйтесь, сих ради от Владыки всех в рай светел приятии;

Радуйтесь, пред Ним наши теплии ходатаи.

Радуйтесь, яко вашими молитвами вере нашей утверждение имамы;

Радуйтесь, яко предстательством вашим ересей одоление стяжахом.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяи.

Кондак 2

Видев святыи Кирилл, еще сый отрок, в нощи видение, яко избрати ему Софию девицу сестру себе, родителем сия поведи. Тии же, разумевше зде волю Божию, во еже быти чадо их премудрости служителю, вельми о научении и наказании его пекошася, зряще же скорое его в разуме преспеяние, пояху Богу: Аллилуиа.

Икос 2

Разум недоразуменный и естество сущих испытующа, Кирилл в премудрости паче сверстник своих преспеваше и, еще отрок сый, прославися, и в палатах царских во образ благий юному сыну ца-

реву водворен бе. Но, богатство и славу земную презрев и еже едино на потребу спасения ища, в пустыню вселися, да пощеньми и молитвами безстрастия достигнет. Сих же ради и Мефодий, воевода уже сый, отыде на гору Олимп, идеже, яко инок, Господу служаше. Темже научимся и мы искушения мира презирати, наипаче же Христу Богу угождати, угодники Его воспевающе сице:

Радуйтесь, славою, яже от человек, не прельстившиися;

Радуйтесь, пустынножительству крепче прилепившиися.

Радуйтесь, яко Господь просвещал вы есть в сонних и видениях;

Радуйтесь, яко и мудрость человеческая пособствова вам во спасение.

Радуйтесь, яко Слово Божие и святых отец писания паче философии возлюбили есте;

Радуйтесь, яко Господня закона не слышательные забытливии бысте, но творцы.

Радуйтесь, яко козни диавольския, на пустынножители находящая, победили есте;

Радуйтесь, яко сих ради дадеся вам власть над искушеньми и страстьми.

Радуйтесь, яко подвизи ваша стяжаша вам венец живота;

Радуйтесь, яко и ныне подвижником и постником пособницы есте.

Радуйтесь, всем грешным пред Богом блазии заступницы;

Радуйтесь, душ наших от лести сатанинския защитницы.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык
Словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 3

Сила молений царевых понуди святого
Кирилла пустыню оставити служения ради
пастырска в Цареграде, идеже славу Божию
ученьми и дела вещаше и ересь иконоборную
посрамляше. Темже и нас, о святой отче, в пра-
вославии утверди, отпадшия же от истинныя
веры единоплеменники наша к единоверию
возврати, да вси словене едиными усты вопиют
о просветителех своих Христу Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имея премудрости силу, потекл еси, свя-
тый Кирилле, с монахом Георгием ко агаряном
стязания ради о вере, и от святого Григория
Богослова духовно просвещаем, премудрость
тайны Святыя Троицы во мнозех подобиих по-
казал еси, посрамляя нечестивых силою словес
твоих. Тии же, завистию распаляеми, восхоте-
ша зелием погубити тя, егоже вкушь, не претер-
пел еси вреда, но здрав прибыл еси ко святому
Мефодию во обитель и с ним купно иноческия
труды паки подъял еси, и просветися пустыня
подвигов ваших светом. Темже и нас предста-
тельством вашим просветите, любовию пою-
щих:

Радуйтесь, dobroгласнии славы Божия ким-
вали;

Радуйтесь, Церкви Его твердии столпи.

Радуйтесь, тайну Троицы в подобиих проповедавший;

Радуйтесь, воплощение Бога Слова пред сарадины нетрепетно исповедавший.

Радуйтесь, еллинов и иудеев, и варваров просветителие;

Радуйтесь, Триединаго Божества благовестителие.

Радуйтесь, яко вами посрамися лесь иконоборная;

Радуйтесь, яко от вас увядает нечестие агарянское.

Радуйтесь, яко истину Христову неведущии имут вы учителя;

Радуйтесь, яко искушаемии сомнением обретают вы в вере наставители.

Радуйтесь, яко прогневавши Господа имут вас пред Ним предстатели;

Радуйтесь, яко угождающи Ему имеют вы покровители.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 4

Бурю различных бед и зол, на языки словенския находящую, предстательством вашим разорите, преподобнии, яко служений многих жребий прияли есте, и во апостольстем бо лице, и в преподобных сонме, и во учителях чести, и во исповедников воинстве вчини вас Господь, да вси словене вопиют Ему о вас: Аллилуиа.

Икос 4

Слыша царь Козареск, яко истинная вера в стране еллинов исповедуется, испроси себе от царя Византийска учителей православия. Сей же умоли святых Кирилла и Мефодия оставить пустыню и плыти понтом Евксинским к козаром. К нимже пришедше, святая братия обратиша сердца их ко Христу и спасительное Крещение преподаша им. С темиже и мы прославим равноапостольных братьий, глаголюще:

Радуйтесь, не убоявшиися снити ко варваром с Евангельским благовестием;

Радуйтесь, озарившии море славным своим тамо шествием.

Радуйтесь, яко святаго апостола Климента нетленные мощи от вас обретыны быша;

Радуйтесь, яко того помощию нечестие козарско от вас посрамися.

Радуйтесь, яко свет Христов стране полуночной преподали есте;

Радуйтесь, яко праведности ваша слава во вся концы земли распрострися.

Радуйтесь, Церкви Христовы предстательство и утверждение;

Радуйтесь, от ересей и расколов наше крепкое ограждение.

Радуйтесь, от агарян и иудей приявшии за Христа укорение;

Радуйтесь, от мощей мученика снискавшии благословение.

Радуйтесь, почитанию угодников благим образом жития вашего нас научившии;

Радуйтеса, и сами, яко угодницы Божии, от всех православных исповедуемии.

Радуйтеса, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителие.

Кондак 5

Боготечная звезда явися вам святаго Климета нетленное тело, всплыв на волнах понта Евксинскаго, на егоже дне от семисот лет сокрыто лежаше. Вам же явил есть творяй чюдеса Господь в знамение трудов апостольских и скорбей исповеднических ваших. Еже разумевше, возописте Богу: Аллилуиа

Икос 5

Видевше святая братия соплеменные им словены, истинную веру исповедующа, слово же Божие своим им языком чести не ведуща, потщашася Божественныя книги на язык словенск прелагати, да вси людие на сроднем им языке единого всех Господа прославят; темже и мы прославим Господа о святителях наших, имже возопиим:

Радуйтеса, подателие Христова света народом иноплеменным;

Радуйтеса, просветителие словен, вам соплеменных.

Радуйтеса, делателие винограда Христова;

Радуйтеса, пастырие добрии стада Иисусова.

Радуйтеса, слова Божия вернии толковницы;

Радуйтеса, наши блазии и кротцыи учителие.

Радуйтесь, мир Христов с собою всюду пронесшии;

Радуйтесь, мир весь светом учений ваших просветившии.

Радуйтесь, и ныне приемлющи моления нас грешных;

Радуйтесь, и ныне посылающи утешение печальным.

Радуйтесь, всех, за истину угнетенных, прибежище;

Радуйтесь, Духа Святаго пречестное жилище.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 6

Проповедницы богоноснии бывше, святая братия во страны словенския идоша просветити новокрещенныя люди Христовым учением. Тии же, узревше вас, яко Ангелов светлых, спасение благовестити грядущих, яко пастырей добрых, душу свою за овцы полагающих, возопиша прославляющему святых Своя Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиявшей в Моравии заре истинныя веры, испросиша князи словенстии от царя Византийскаго во страны своя учителя и утвердители людем. Сих же моления услышавше, святии Мефодий и Кирилл во страны словенския подвигошася, проповедающе Евангелие

Царствия Божия словенским языкам. Еже уве-
деша, возрадовашася словене и, отвсюду ко
святим братиям притекающе, закону Божию
поучахуся, Господа славяще и просветители
своя хваляще, с нимиже и мы вкупе воспоим
Мефодия и Кирилла, зывающе:

Радуйтеся, апостоли наши богоглаголивии;

Радуйтеся, учителяе наши благодатнии.

Радуйтеся, исповедницы наши, многое де-
рзновение имущии;

Радуйтеся, пустынницы наши преподобнии.

Радуйтеся, молитвенницы наши теплии;

Радуйтеся, чудотворцы наши светлии.

Радуйтеся, славити Бога всеми языки заве-
щавшии;

Радуйтеся, триязычную ересь добльственно
обличившии.

Радуйтеся, словеном в год скорби утешение;

Радуйтеся, во обстояниих тяжких надеждо
их и заступление.

Радуйтеся, приносящии ко Владыце всех на-
ши покаянныя молитвы;

Радуйтеся, и сами о нас к Нему выну молящи-
ися.

Радуйтеся, Мефодие и Кирилле, язык сло-
венских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 7

Хотяще изгнати вы из стран словенских, свя-
щенницы латинстии оклеветаша вы пред епис-
копом Римским. Егда же сей с мощи святого
Климента пришедших вас узре и правоверие

ваше и доброе житие уведет, абие посрами клеветавших на вы корыстолюбцы, вас же именем Христовым благослови, поя Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Дивнии апостоли явишася святая братия, не имуща покоя в трудах своих: святой бо Кирилл от подвигов многих изнемог, скоро по пришествии в Рим живот свой сконча. Святой же Мефодий ревностию брата своего укреплен и от папы Адриана благодатию архиерейскою почтен, к подвигом новым в Моравию и Паннонию возвратися, идеже труды множайшия понесе; имже дивящася, воспоим святую братию, зовуще:

Радуйтесь, добрии слуги Христовы;

Радуйтесь, яко даже до смерти верни истине пребыли есте.

Радуйтесь, Господеви, а не человеком угождавшии;

Радуйтесь, имене Его ради поношения от человек приявшии.

Радуйтесь, чрез все житие на ниве Господней потрудившиися;

Радуйтесь, и по смерти от паствы своя любовию не отлучившиися.

Радуйтесь, свет миру и соль земли бывшии;

Радуйтесь, яко светильник, горяй во тьме, языком светившии.

Радуйтесь, яко град верху горы, от верных и неверных не утаивыйся;

Радуйтесь, заповеди Господни сотворшии и иных научившии.

Радуйтесь, сего ради велии во Царствии Божием нареченнии;

Радуйтесь, на земли в Церкви Господней прославленнии.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 8

Странно преставление святого Кирилла всем явися, не о жизни бо временней помышляше, но Господа о новопросвещенных им церквах моляше, да утвердит я в православии и от триязычныя ереси и прочих напастей и бед оградит я, святого же Мефодия увещаваше, глаголя: «Се, брате, супруга волов бяхове, едину бразду тяжуша, и аз на лесе падаю, течение скончав; ты же любиши святую гору вельми, не мози убо горы ради оставить учения языков словенских». Темже, толицей ревности святых братий дивящися, воспоим Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Весь предан быв душею же и телом заветам брата своего, святой Мефодий не убоясь прещений княжеских, ни клевет от иереев латинских, ни заточения темнична, но вся сия, яко доблий воин Христов, претерпевая, не преста языки словенския и паству свою добре правити и просвещати, дондеже в старости опочи и к святому Кириллу во блаженную обитель райскую преставися. К нимже мы воспоим тепле:

Радуйтесь, венцем терпения на земли венчаннии;

Радуйтесь, светом вечным на небеси осиянии.

Радуйтесь, подвижницы, нищии духом, яко ваше есть Царствие Небесное;

Радуйтесь, плакавший много, яко обильно утешистесь.

Радуйтесь, кротцыи, яко наследисте во Христе земли словенския;

Радуйтесь, алкавший и жаждавший правды, яко насытитесь в селениях небесных.

Радуйтесь, милостивии, яко не сами токмо помиловани есте, но и иным милости от Бога ходатаи бысте;

Радуйтесь, чистии сердцем, яко днесь Бога лицом к лицу зрите.

Радуйтесь, миротворцы человеком бывшии, яко сынове Божии нарекошесь;

Радуйтесь, изгнанныи правды ради, яко ваше есть Царствие Божие.

Радуйтесь, яко возненавидени бысте от человек и гонение и клеветы прияли бысте Христа ради;

Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 9

Всякия козни, на страны словенския находящия, бодро разоряли есте, преподобнии, темже

и ныне не оставите нас, смиренных и грешных, но вся словены в Православии и единомыслии утвердите, да вси едиными усты и единым сердцем вопиют прославившему вас Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Вития многовещанная, яко рыбы безгласныя, зрим о вас, преподобнии, недоумеют бо, како и в пустыни духом витали есте, и посреде человек неусыпными подвиги подвижастесь. Мы же, радуящиеся, яко таковые имамы учителя и молитвенники, прославляем вас, глаголюще:

Радуйтесь, истинныя веры исповедницы;

Радуйтесь, Царствия Божия наследницы.

Радуйтесь, ереси иконоборныя обличителие;

Радуйтесь, иудейства посрамителие.

Радуйтесь, триязычную ересь поправшии;

Радуйтесь, словеном двери Царствия Небеснаго отверзшии.

Радуйтесь, воины Христови, еще в житии от Него славою венчанныи;

Радуйтесь, и в славе своей дух смиренномудрия соблюдашии.

Радуйтесь, злая, яко Исаия и Иеремия, от единоплеменных за благая приявшии;

Радуйтесь, яко Даниил и Есфирь, за язык свой ходатайствовавшии.

Радуйтесь, со всеми святыми немерцающим светом осияваемии;

Радуйтесь, со всеми угодники Божии о нас грешных Господу молящиися.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 10

Спасти хотя новое стадо Христово от волков мысленных, святой Мефодий на одре смертном ученики своя вельми моляще твердо стояти во истинней вере, ниже козней вражеских устращатися, но и в скорбех и напастех за вся благодарити Бога, поюще: Аллилуиа.

Икос 10

Стена есте всем, о православии трудящимся, и заступление к вам с верою притекающим, Мефодие и Кирилле богомудрии, ибо небесе и земли Творец избра вас быти на земли ловцы человеком, послежде же на небесех к лику апостол сопричте. Темже и нам умолите благодати Его даром податися, умиленно вопиющим таковая:

Радуйтесь, добродетельми, яко виссоном, украшении;

Радуйтесь, в премудрости с Соломоном сравнившиися.

Радуйтесь, воздержанием и молитвою великим Антонию и Пахомию уподобльшиися;

Радуйтесь, яко Великий Василий и Иоанн Златоустый, силою слова одареннии.

Радуйтесь, яко целомудрием Иосифу подобни бысте;

Радуйтесь, терпению Иовлему подражавшии.

Радуйтесь, незлобием царю и пророку Давиду соревновавшии;

Радуйтесь, ревностью по вере Илии уподобившиеся.

Радуйтесь, яко, подобно Павлу и Иоанну Богослову, Христа Бога возлюбили есте;

Радуйтесь, яко Даниил и трие отроцы, мужественно Бога прославившии.

Радуйтесь, яко Ангелом и святым Божиим сожительствуете;

Радуйтесь, яко и мы грешнии имя ваше с верою призываем.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителяе.

Кондак 11

Пение благодарное приносяще ко Господу, предстателie нам грешным вас даровавшему, со умилением молим вы, святии учителяе наши, не возгнушайтесь нас лености ради нашея, ниже отступити от нас тяжких ради беззаконий наших, но милосердие от Господа всем испросите, вопиющим Ему о вас: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарную апостол словенских двоицу восхваляюще, вернии, устранимся своих распрей в раздоров, паче же разделений в вере, единение же духа в союзе мира блюдуще, воспоим святых учителей тако:

Радуйтесь, громогласныя трубы Евангельскаго благовестия;

Радуйтесь, гусли сладкозвучныя проповеди спасения.

Радуйтесь, крепцыи правды насадителие;
Радуйтесь, непоколебимии неправды истре-
бителие.

Радуйтесь, радости податели всем быв-
шии;

Радуйтесь, скорбей нападения отвсюду вос-
приявшии.

Радуйтесь, мзды и воздаяний трудом своим
от человек не искавшии;

Радуйтесь, о неблагодарных людех Богу мо-
лившиися.

Радуйтесь, Ангел Божиих и святых Его
подвиги и добродетельми своими радо-
вавшии;

Радуйтесь, радости вечныя купно с ними во
обителях блаженных наслаждений.

Радуйтесь, звезды, светом истины сия-
ющие;

Радуйтесь, сами добродетелей ваших светом
осиянии.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык
словенских апостоли и богомудрии учите-
лие.

Кондак 12

Благодать единения и мира испросите нам,
преподобнии, иже мир во всем мире до кон-
ца мирскаго жития вашего благовестившии,
яко да и мы, от всех расколов и искушений сво-
бождшеся, в мире воспоим, яко други, вас воз-
любившему единому миротворцу всех Господу:
Аллилуиа.

Икос 12

Поюще ваше дивное житие на земли и славу, яже на небеси, помышляюще, смиренно молим вас, святии учителие, силу свыше православным христианом на враги невидимыя и видимыя даровати, и народы словенския в единение веры призвати, да вси воспоют, верно взывающе:

Радуйтесь, православия твердое ограждение;
Радуйтесь, инославия живое обличение.

Радуйтесь, исхождение Духа Святаго от Отца точию, яко отдревле прияхом, исповедавшии;

Радуйтесь, службу Божию совершати комуждо своим си языком заветавшии.

Радуйтесь, праведных в праведности утверждение;

Радуйтесь, и беззаконных к закону обращение.

Радуйтесь, яко вами и мы во исполнение Церкви внидохом;

Радуйтесь, яко вами слово Божие на сроднем нам языке достиже.

Радуйтесь, яко молитвами вашими, аки забралом крепким, от врагов наших ограждаемся;

Радуйтесь, яко предстательством вашим вечныя жизни сподобляемся.

Радуйтесь, всем словенном пастырие и отцы, ихже ради есмы вси братие;

Радуйтесь, яко вас ради братия суще по плоти и по духу братия Христу сотворихомся.

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителие.

Кондак 13

О пречуднии и предивнии язык словенских учителие, святии равноапостольнии Мефодие и Кирилле, нынешнее приемше моление наше, вся словены от находящих им зол и бед свободите, в мире и единении соблюдайте и к Царствию Небесному предстательством вашим приведите всех, во умилении о вас поющих Богу: Аллилуиа.

Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1.

МОЛИТВА ПЕРВАЯ

О преславнии язык словенских учителие и просветителие, святии равноапостольнии Мефодие и Кирилле. К вам, яко чада ко отцем, светом учений и писмен ваших просвещеннии и в вере Христовой наставлении, ныне усердно прибегаем и в сокрушении сердец наших молимся. Аще бо и завет ваших, яко чада непокоровая, не соблюдохом и о угождении Богу, якоже учисте, небрегохом, и от единомыслия и любви, юже словеном, яко братьям в вере и по плоти, добре завещаете, отпадохом, обаче, якоже древле в житии вашем неблагодарных и недостойных не отвращаете тщи, но благими за злая воздавате, тако и ныне грешных и недостойных чад ваших молитвы не отвратите, но, яко велие имуще дерзновение ко Господу, прилежно Того молитесь, да наставит и обратит

нас на путь спасения, распри же и раздоры, посреде единовѣрныхъ братии возникающія, умирят, отпадшія паки во единомыслие приведет и всехъ насъ единениемъ духа и любви во единей, Святѣй, Соборней и Апостольстей Церкви соединит. Вемы бо, вемы, яко много можетъ молитва праведника ко благосердію Владыки, аще и о грѣшныхъ людехъ приносима бываетъ. Не оставите убо насъ, унылыхъ и недостойныхъ чадъ вашихъ, ихже грѣхъ ради паства ваша, вами собранная, враждою разделяема и соблазны отъ иноверныхъ прельщаема, умалися, овцы же ея словесныя разсеиваемы, отъ волковъ мысленныхъ восхищаются, дадите убо намъ молитвами вашими о православіи ревность, да ею возгреваемы, отеческая преданія добре сохранимъ, уставы и обычаи церковныя верно соблюдать потщимся, всякихъ лжеучений странныхъ отбежимъ и тако, въ житіи богоугодномъ на земли преспевающе, жизни райския на небеси сподобимся, и тамо съ вами вкупе Владыку всехъ, въ Троицѣ Единого Бога прославимъ во веки вековъ. Аминь.

МОЛИТВА ВТОРАЯ

О всехвальнии равноапостольнии Мефодіе и Кириллѣ, припадающе предъ честною иконою вашею, усердно молимъ вы: воззрите милостивно на насъ, ихже трудомъ вашимъ просветили есте, и оградите насъ неусыпнымъ предстательствомъ вашимъ отъ злыхъ козней вражиихъ! Призрите убо на виноградъ сей, егоже насадили есте, и не пре-

дайте дивему вепрю озобати его. Сохраните, святии угодницы Божии, Церковь нашу Православную, юже вы наздали есте на краеугольном камени, Христе, яко да будет недвижима, но да разсыпятся о камень сей волны всякаго маловерия. Укрепите пастырей наших во всех добродетелех и в подвизе проповедания, вразумите же пасомых, во еже послушати гласа их. Сохраните вся страны словенския от всякаго оскудения, от огня и меча, от смертоносныя язвы и от всякаго зла. Услышите и всякаго человека, с верою к вам приходящаго и благодатныя помощи вашея требующаго. В страшный же час смертный представите всем нам блазии ходатаи и темных зраков демонских прогонителие, да в мире и покаянии скончавше земное поприще, достигнем вечных благ наслаждения и купно с вами прославим Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТРОПАРЬ, ГЛАС 7-й

Яко апостолом единомудрии и Словенских стран учителие, Кирилле и Мефодие богомудрии, Владыку всех молитве, вся языки Словенския утвердите в православии и единомыслии, умирить мир и спасти души наша.

КОНДАК, ГЛАС 3-й

Священную двоицу просветителей наших почитим, Божественных писаний предложением

Акафист святым Кириллу и Мефодию

источник богопознания нам источивших, из негоже даже до днесь неоскудно почерпающе ублажаем вас, Кирилле и Мефодие, Престолу Вышняго предстоящих и тепле молящихся о душах наших.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЫСТУПЛЕНИЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТИЯ ДНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

**СЛОВО СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА ЗА БОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТУРГИЕЙ В ХРАМЕ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ
24 МАЯ 2010 ГОДА**

24 мая 2010 года, в день Святого Духа и праздник святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, торжественное богослужение в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя совершили Сятейший Патриарх Константинопольский Варфоломей, совершающий визит в Русскую Православную Церковь, и Сятейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. По завершении Божественной литургии Предстоятель Русской Православной Церкви обратился со словом к Сятейшему Патриарху Варфоломею и сопровождающей его делегации, к иерархам и клирикам Русской Православной Церкви, к богомольцам.

Ваше Сятейшество, Архиепископ Варфоломей, Вселенский Патриарх! Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Благочестивые пастыри! Боголюбивое монашество! Дорогие братья и сестры!

В стенах кафедрального Храма Христа Спасителя, храма-памятника русской воинской славы и храма-символа, знаменующего собою воскресение Русской Церкви после гонений, от всей души приветствую Вас, моего Собрата во Христе и Сослужителя перед престолом Божиим, сопровождающих Вас лиц, вас, дорогие Высокопреосвященные Владыки, весь освященный собор, духовенство Московской епархии и вас, дорогие братья и сестры!

В сегодняшнем торжестве знаменательным образом соединились празднование в честь Святого Духа и память равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских. Это совпадение имеет глубокий смысл. Тот же Дух Святой, Который сошел на апостолов и теми уловил вселенную, руководил и святыми Солунскими братьями в великом деле проповеди среди славян. Тот же Дух, Который вдохновлял составителей библейских книг и богослужебных молитвословий, содействовал просветителям в передаче Священного Предания и литургических текстов на понятном нашим предкам языке.

По воле Божией Православие пришло к нам из Византии. Святой Константин Философ, впоследствии нареченный Кириллом, имевший высокий чин при дворе Византийских императоров, получил благословение от Патриарха Цареградского на свое апостольское служение. Семя веры и благочестия, посеянное греческими миссионерами, со вре-

менем выросло в могучее древо русского Православия.

Православие и сейчас остается основой национального самоопределения подавляющего большинства населения России, Украины, Беларуси, Молдовы и прочих стран, окормляемых Русской Церковью и составляющих неразделимый при своем многообразии Русский мир. Без учета этого фактора невозможно понять ни нашей истории, ни нашей культуры, ни нашего менталитета. В условиях политической дезинтеграции Церковь остается скрепляющим союзом взаимного притяжения и взаимной поддержки для составляющих ее народов. Несмотря на десятилетия господства атеистической идеологии, большинство населения стран Русского мира считает себя верующими, чадами Русской Православной Церкви. И это – торжество Православия нашего времени.

Наследие святых Кирилла и Мефодия объединяет славянские народы. Оно же является мостом между славянским и греческим мирами. Нынешнее торжество получает особую полноту от присутствия среди нас Вашего Святейшества, Предстоятеля Святой Церкви Константинополя, живого носителя тысячелетнего Византийского наследия. Общаясь с Вами, мы ощущаем нашу общую принадлежность к одному и тому же непрекращающемуся Преданию Церкви. Предстоя с Вами перед одним Престолом, мы вверяем наши жизни одному и тому же благодатному

водительству Святого Духа. Разделяя с Вами Евхаристическую трапезу, мы укрепляемся в желании мыслить и действовать как единая Святая Православная Церковь. Идеологии индивидуализма и потребления Православие способно противопоставить ценности братства и жертвенной любви Христовой.

Наше сослужение в этот день связало воедино три ключевых момента церковной истории: самое начало христианства, просвещение славян и наши дни. Сошествие Святого Духа придало благодатный импульс апостольской проповеди; равноапостольный подвиг святых Кирилла и Мефодия положил начало христианства на бескрайних славянских землях; нынешнее непростое время снова требует от Православной Церкви апостольского служения. Нам предстоит сообща трудиться над сохранением церковной традиции; но одного лишь сохранения недостаточно, ибо эта традиция должна быть раскрыта в понятиях, доступных современному человеку. В этом служении необходим соборный разум Церкви, водительство одного Святого Духа.

Благодарю Вас, Ваше Святейшество, за то, что Вы разделили с нами этот праздник. Нам доставляет большую радость принимать на нашей земле Вас и Ваше честное окружение. Русскому народу испокон веков свойственны гостеприимство и открытость. Но с единоверными братьями нас связывают во сто крат более крепкие духовные узы. Просим Вас чувство-

вать себя как дома, ибо это действительно Ваш дом – православное наследие Византии.

Многая и благая лета Вашему Святтейшеству! Мир Божий да пребывает со Святой Константинопольской Церковью!

Всех вас, дорогие Владыки, отцы, братия и сестры, поздравляю с днем Святаго Духа, с памятью святых учителей Словенских, с Днем славянской письменности и культуры!

**СЛОВО СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА НА
ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ ДНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ**

24 мая, в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Предстоятели Константинопольской и Русской Православных Церквей приняли участие в церемонии открытия Дней славянской письменности и культуры. Святтейший Патриарх Кирилл обратился к участникам торжеств, собравшимся на Васильевском спуске у стен храма Василия Блаженного.

Ваше Святтейшество! Высокие представители государства! Дорогие братья и сестры, дорогая молодежь!

Сердечно поздравляю вас с открытием Дней славянской письменности и культуры на этом историческом месте Российской столицы – у стен Кремля, у подножия Покровского собора – храма Василия Блаженного. И взирая на то, что нас окружает, мы сознаем, что есть нечто общее, единое, принципиально важное,

что было положено в основу и государства нашего, и всего славянского мира.

История знает, что многие цивилизации, культуры и государства создавались в результате войн, конфликтов, борьбы. Удивительным образом в самом начале нашего исторического бытия было нечто совсем другое. Два брата, два ученых мужа из Византии, прибыв в славянские страны, принесли им азбуку, литературный славянский язык и переведенный на этот родной для людей язык текст Слова Божиего. Именно с этого момента начался рост духовной культуры и национального самосознания славян, именно с этого момента началось обращение Руси в Православие, ибо святой Кирилл, вместе с другими миссионерами из Византии, проповедовал Слово Божие на территории исторической Руси, в Крыму. Затем вокруг этого творческого действия стала формироваться наша национальная культура, на ее основе выросла всемирно известная литература, сформировался русский язык – язык межнационального общения многих народов, культурно и духовно принадлежащих к Русскому миру.

В основе нашего исторического бытия – не война, не конфликт, не меч, но духовная культура. И мы должны всегда об этом помнить, как мы должны помнить о том, почему мы собираемся в центре Москвы, на фоне Кремлевских соборов и храма Василия Блаженного – здесь все обращает наш взор к великим истокам нашего национального бытия. И если великая

духовная традиция будет жить в нашем народе, то будет существовать и сам народ, что очень актуально сейчас, когда мир вступает в эпоху глобализации. Остаться самими собой мы сможем только тогда, когда сохраним свои культуру, язык и веру.

Я рад сказать вам, что сегодня на этом празднике вместе с нами находится Святейший Патриарх Константинопольский Варфоломей, прибывший к нам с берегов Босфора – из того самого города, из которого пришли в славянские страны святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. И замечательно, что первое торжественное празднование Дней славянской письменности и культуры в Москве, как центре всенародных торжеств, связано и с его визитом, который словно сопрягает историю, соединяет времена. Действительно, в единстве традиций – сила людей, сила их духа.

Я всем вам желаю этой силы духа. Молюсь об исторической Руси, о ее единстве, молюсь о процветании России, дабы по благословению Божию мирно, спокойно и успешно созидалась жизнь нашего многонационального Отечества.

**ПАТРИАРШЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
КОНЦЕРТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕМЛЕВСКОМ
ДВОРЦЕ ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНИЯ
Дня славянской письменности и культуры**

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси
Кирилл обратился с приветствием к участникам*

и гостям концерта в Государственном Кремлевском дворце, посвященного Дню славянской письменности и культуры.

24 мая 2010 года

Дорогие братья и сестры!

Ныне Русская Православная Церковь вместе с государственными институтами и общественными объединениями отмечает День славянской письменности и культуры, с благодарностью вспоминая подвиг святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Торжества в честь первоучителей Словенских проходят в России, Болгарии, Македонии, Чехии, Словакии.

Почему же с таким благоговением вот уже 12 столетий славянские народы воздают долг памяти святым Кириллу и Мефодию, почитая их равноапостольными?

Все мы знаем, что трудами Солунских братьев была разработана и составлена первая азбука, учитывавшая звуки славянской речи. Чуть позже усилиями учеников и последователей был создан новый удобный шрифт – кириллица, получивший широкое распространение у славянских народов. Это стало мощным импульсом для их культурного, интеллектуального, духовного, геополитического развития и государственного становления.

Разработав славянскую азбуку, равноапостольные просветители поставили задачу перевести на славянский язык Священное Писание

и богослужебные тексты, чтобы говорящие на этом наречии народы смогли познать Истину, приобщиться духовной жизни, стать причастниками Света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир (см. Ин. 1: 9). Однако словарь и грамматика славянских диалектов, прежде функционировавших только в сфере бытового общения, не были готовы для передачи многих сложных слов и абстрактных понятий, которые встречаются в текстах Библии. Поэтому Кирилл и Мефодий были вынуждены, используя модели греческого языка, изобретать не только слова, но и новые синтаксические конструкции. Так трудами двух подвижников создавался в IX веке книжный язык всех славян. Его развитие впоследствии позволило многим народам Восточной Европы сформировать свою богатую самобытную культуру, литературу, науку, богословие.

Если азбука Словенских первоучителей дала нам письменность, а перевод богослужебных книг сделал доступной евангельскую проповедь, то формирование литературного языка даровало славянам возможность глубинного осмысления явлений действительности, художественного выражения мыслей и чувств. Открыв славянским этносам наследие европейской цивилизации, святые Кирилл и Мефодий одновременно заложили фундамент для процветания славянской книжности, науки, искусства, которые, в свою очередь, спустя десятилетия стали вносить свой уникальный вклад в сокровищницу христианской культуры.

Обращаться к Богу на родном наречии, пользоваться языком ясным для понимания – великое благо для народа. В этом главный, но не единственный результат просветительской миссии святых братьев. Как известно, далеко не у всех народов в истории человечества национальный язык стал основой формирования языка книжности и культуры. Всякий, кто хоть раз пытался передать сложную мысль на иностранном языке, знает, что это требует дополнительных усилий и времени. Мысль, воспринятая через родное слово, усваивается быстрее, дает сознанию более яркие образы и ассоциации.

Поистине бесценное сокровище оставили нам в наследство святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Плодами их трудов мы пользуемся и по сей день.

Согласно житийному преданию, умирая, святой Кирилл сказал своему старшему брату: «Мы с тобой как два вола: от тяжелой ноши один упал, другой должен продолжать путь». Более тысячи лет молитвами святых братьев развивается славянская книжность, и ныне тяжелая, но благая ноша лежит уже на наших плечах. Мы должны помнить, что наследие Солунских братьев – залог культурной и религиозной общности славянских народов; что каждая книга на славянском языке, каждое наше слово и даже буква – великое достояние, соделавшее нас равными в семье христианских народов. Наша обязанность и сегодня сохранять культурный

Выступления Святейшего Патриарха Кирилла

код славянской цивилизации, защищая его от разрушения, подмены и обезличивающей унификации. Как наследники Словенских первоучителей, мы должны бережно и творчески относиться к своей речи, следить за правильностью выражений и грамотностью письма. Заботясь о чистоте своего языка, мы заботимся о чистоте своих помыслов. Это стезя не только интеллектуального, но и духовно-нравственного возрастания всякого человека.

Пусть же в этом деле по молитвам святых равноапостольных Кирилла и Мефодия нам сопутствует помощь Божия, дабы мы, благоговейно сохраняя и приумножая культурное наследие прошлого, могли плодотворно служить своему народу и Отечеству.

*+КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СУДЬБА МОРАВСКОЙ МИССИИ

Вскоре по кончине святого Мефодия дело его жизни – Моравская миссия – была разгромлена. Давний противник святого, епископ Нитрийский Вихинг, отлученный святым Мефодием от Церкви, направился в Рим. Там Вихинг добился поддержки нового папы Стефана V. Он направил Моравскому князю Святополку буллу, в которой можно различить две части – практическую и богословскую. В практической части папа Стефан писал о снятии отлучения с Вихинга, что серьезно меняло религиозную ситуацию в Моравии. Но еще радикальней была богословская составляющая папской буллы, осуждавшая всех, кто исключает *Filioque* (исхождение Святого Духа от Отца и Сына) из Символа Веры. Одновременно Стефан V запретил богослужение на славянском языке. Булла заканчивалась предписанием изгнать из страны тех, кто посмеет противиться папским решениям. Ситуация обострялась еще и тем, что между Римом и Константинополем наметился очередной конфликт из-за вмешательства Римского первосвященника в дела Константинопольской Церкви.

Вслед за буллой папа Стефан направил в Моравию легатов – дабы они на месте могли проследить за тем, как исполняются папские

предписания. Кроме того, легаты должны были пригласить в Рим ученика и преемника святого Мефодия – Горазда. В том случае, если бы он принял Римский Символ Веры, предполагалось его рукоположение во епископа.

Но Горазд, Климент и другие ученики святых братьев отвергли латинский Символ Веры. Этот поступок – свидетельство большого нравственного мужества, поскольку против них выступило не только латинское духовенство, но и князь Святополк, предпочитавший латинский Символ Веры.

Горазд и Климент пытались устроить религиозный диспут, дабы в прениях с легатами отстоять православный Символ Веры, но их противники вместо богословской дискуссии прибегли к помощи светской власти. В результате все ученики святых братьев – около двухсот человек – были осуждены как еретики.

Более молодые священники и дьяконы были проданы в рабство еврейским купцам. Купив их, евреи привезли их в Венецию. Когда их продали, в Венецию прибыл царский человек из Константинополя по государственным делам. Узнав о судьбе этих людей, царский человек их откупил. Затем он их отвез в Константинополь и рассказал обо всем императору Василию. Здесь им вернули их чины и саны пресвитеров и дьяконов, которые они имели прежде, дали им и службу. И никто из них не умер в рабстве. Одни из них, покровительствуемые императорами, получили успо-

коение в Константинополе, другие пришли в болгарскую землю.

Что же касается «учителей», стоявших во главе славянской партии учеников святых братьев – Горазда, Климента, Наума, Саввы, Ангеларий, то они были заключены в тюрьму и подвергнуты различным истязаниям. Некоторое время спустя в соответствии с предписанием папской буллы они были изгнаны из Моравии за Дунай.

Несколько лет спустя Горазд, желая возродить Моравскую миссию, с немногочисленными сторонниками вернулся на Родину. Но к тому времени Моравия была разорена набегами венгров, а во всех сохранившихся христианских общинах утвердилось латинское духовенство. Убедившись в тщетности своих усилий, он навсегда покинул Моравию.

На этом и закончилась история Моравской миссии. Но дело, начатое святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, не погибло. Ученики святых братьев разнесли христианское просвещение по всему славянскому миру.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

УЧЕНИКИ СВЯТЫХ БРАТЬЕВ

Из учеников святых равноапостольных Кирилла и Мефодия по именам известны святые: Горазд, Климент, Наум, Савва, Ангеларий, Константин.

СВЯТИТЕЛЬ КЛИМЕНТ

Святитель Климент одним из первых был выбран святыми Кириллом и Мефодием для Моравской миссии. О нем известно, что он был болгарин. По мнению исследователей, он помогал святым братьям в переводах богослужебных книг.

Затем, вместе с ними отправившись в Моравию, он деятельно участвовал в проповеди Слова Божия на славянском языке. После нескольких лет, проведенных в Моравии вместе со своими наставниками, направился в Рим, где в 868 году папой Адрианом был рукоположен во иерея.

В последующее время Климент оказывал всяческую поддержку своему архиерею, святому Мефодию, и сопровождал его во многих путешествиях. По кончине святого Мефодия, вместе с его преемником Гораздом, Климент возглавил православную партию в Моравии. Вместе они пытались противостоять латинскому духовенству, защищая православный Символ Веры

и славянское богослужение. Однако, их усилия не увенчались успехом и они вместе с другими ближайшими учениками святых братьев оказались в темнице, где в тяжелых условиях провели несколько месяцев.

После освобождения из темницы и изгнания из Моравии, Климент вместе с Наумом и Ангеларием направились в Болгарию. Придя в Белград, они обратились за помощью к воеводе Боритакану – вельможе царя Бориса, который и препроводил их к своему государю. Царь Борис принял их с великими почестями, и поселил у своих ближайший вельмож в тогдашней столице Болгарии – Плиске.

Некоторое время святитель Климент занимался христианским просвещением в столице, а затем, по просьбе царя, перебрался в Кутмичевицу – область на юго-западе современной Македонии, центром которой был город Девол. Начав проповедовать в Кутмичевице, Климент очень скоро обрел огромное количество учеников, которые под его руководством вскоре стали наставниками для своих недавно обращенных в христианство соотечественников. Около семи лет он был наставником в созданной им школе. За это время им были подготовлены к служению несколько тысяч священников и диаконов.

Одновременно святитель Климент продолжил дело своих учителей по переводу богослужебных книг с греческого на славянский. Ученики созданных им школ усердно занима-

лись переписыванием как текстов переведенных еще в Моравии, так и новых переводов. Благодаря их трудам многие храмы в Болгарии и сопредельных славянских землях были обеспечены богослужебными книгами.

При преемнике царя Бориса, Симеоне, в 893 году святитель Климент был рукоположен во епископа Величского. Доставшаяся ему епархия была мало христианизирована, как говорится в жизнеописании: «Народ этой области с Словом Божиим и Писаниями совершенно не знаком и не наставлен ни в чем, что украшает Церковь и устрояет народ духом благочиния и порядка». Так что Клименту пришлось подъять огромный труд по просвещению народа светом Истины. В этом деле он взял себе за образец деятельность своего наставника – святого Мефодия.

Первым делом святитель Климент позаботился о поставлении просвещенных клириков, которые могли бы наставлять народ в вере. Одновременно, пользуясь благосклонностью царя, он начинает широкую благотворительность. Давно занимаясь переводами, святитель Климент понял, что большая часть народа, не имеющая достаточного образования, не находит смысла в переводных византийских сочинениях. Тогда он начинает составлять для народа поучительные слова, рассказывающие о православных праздниках, о святых, о заповедях Божиих.

Вместе с другими изгнанниками из Моравии святитель Климент основывает ряд монастырей, которые становятся одновременно и ду-

ховными школами, и хранилищами книг по различным областям знания. Монастырские библиотеки собирали книги, которые были славянскими переводами византийских сочинений, а также и собственно греческие и латинские. Благодаря покровительству царя и вельмож, Климент заботился о храмоздательстве, как в своей епархии, так и по всей Болгарии.

Заботясь о духовном становлении болгарского народа, святитель Климент не забывал и о его насущных интересах. Так он выписывал из Византии плодовые деревья, которых не хватало в Болгарии, культивировал их и распространял по всей стране.

В конце жизни святитель Климент просил царя отпустить его на покаяние в одну из созданных им обителей. Но царь Симеон уговорил его остаться на своем посту. Вскоре он начинает перевод на славянский язык Цветной Триоди. Закончив этот труд, он начал готовиться к смерти. Все свое имущество – библиотеку – святитель Климент завещал кафедре и Охридскому монастырю. Он своими руками выкопал себе могилу справа от притвора Охридского монастырского храма.

27 июля 916 года епископ Величковский Климент мирно скончался и был погребен в приготовленном месте.

ПРЕПОДОВНЫЙ НАУМ

Один из ближайших учеников святых Кирилла и Мефодия, Наум, происходил из сла-

вян, живших на территории Византийской Империи. Он последовал за своими наставниками в Моравию, где в течение нескольких лет проповедовал Слово Божие и занимался перепиской богослужебных книг.

В 868 году в Риме папой Адрианом II был рукоположен во диакона. Затем уже святой Мефодий рукоположил Наума во иерея.

По кончине святого Мефодия, вместе с другими учениками его, Наум был посажен в темницу, где претерпел многие мучения. После освобождения из темницы был изгнан из Моравии за Дунай вместе с Климентом и Ангеларием. Вместе они добрались до Болгарии – там они были с честью встречены царем Борисом.

Некоторое время святой Наум провел при дворе царя Бориса в Плиске. Затем он отправился на Охридское озеро, на юго-восточной стороне которого и основал монастырь. Средства на создание обители пожертвовал царь Борис. Монастырь, основанный святым Наумом, вскоре стал одним из центров славянского просвещения. Здесь под руководством святого болгары обучались славянской и греческой грамоте; шла работа по переписке книг.

В 893 году, после того как святого Климента рукоположили во епископа Величского, Наум был вынужден оставить свой монастырь и на некоторое время перебраться в Девол, дабы школа, основанная святым Климентом, не осталась без наставника. Несколько лет он под-

визался там, и, лишь приготовив себе преемников, возвратился в свой монастырь.

Там он закончил свой земной путь в 910 году. Святая Церковь вскоре причислила преподобного Наума к лику святых, а основанный им монастырь стал известен в народе как монастырь святого Наума. Там и поныне покоятся его мощи.

Константин

Константин принадлежал к младшему поколению учеников равноапостольных братьев. Вероятнее всего он был моравом по происхождению, ставшим учеником святых Кирилла и Мефодия уже по прибытии их в Моравию. Впоследствии святой Мефодий рукоположил его во пресвитера.

По преставлении наставника и архипастыря славян Мефодия, Константин вместе с другими учениками святого подвергся гонениям. Согласно предположениям исследователей, он вместе с другими молодыми клириками был продан в рабство еврейским купцам. Они пригнали рабов на продажу в Венецию. Находившийся там посол Византийского императора, узнав, что православных священников продали в рабство, как еретиков, выкупил их всех и переправил в Константинополь. В Константинополе им предложили на выбор: или остаться в столице Империи, или отправиться в Болгарию. Вместе с некоторыми другими учениками святых братьев Константин выбрал Болгарию.

В Болгарии он вновь встретился с другими учениками святых братьев, и совместно с одним из них – преподобным Наумом – устроил в восточной Болгарии – в Преславе – училище. Также они занимались переводами и перепиской книг. Вскоре Наум удалился на Охридское озеро, где основал монастырь, а Константин остался в Преславе.

Трудясь в Преславе, Константин прославился как выдающийся наставник юношества, переводчик и писатель. Именно он стал родоначальником древнеболгарской поэзии и историографии. Кроме того, он перевел на славянский язык творения многих византийских богословов.

Наиболее известное произведение Константина Преславского – «Учительное Евангелие» – сборник проповедей на евангельские темы. Его также считают автором «Пространных Житий» святых Кирилла и Мефодия и церковных служб, посвященных святым братьям.

Впоследствии Константин был рукоположен во епископа Преславского, согласно предположениям исследователей одновременно со святителем Климентом Охридским.

В настоящее время имя Константина Преславского носит Шуменский университет в Болгарии.

ДРУГИЕ УЧЕНИКИ СВЯТЫХ БРАТЬЕВ

Наиболее трагично сложилась судьба одного из самых одаренных учеников святых бра-

тьев – морава Горазда. Согласно источникам, еще до прихода в Моравию святых Кирилла и Мефодия, он получил прекрасное образование в латинском духе. Затем, встретив пришедших в Моравию святых братьев, Горазд стал их учеником и усовершенствовал свое образование.

В числе других учеников Горазд вместе со святыми Кириллом и Мефодием совершил путешествие в Рим, где папой Адрианом был рукоположен во пресвитера. Впоследствии, вернувшись в Моравию, стал ближайшим помощником святого архиепископа Мефодия. Именно его, умирая, Мефодий назвал своим преемником.

Но латинская партия, поддержанная папой Стефаном, отвергла выбор святого Мефодия – Горазд, возглавивший православную партию, вместо архиерейской кафедры был заключен в темницу вместе со своими единомышленниками, а затем изгнан из Моравии. Впоследствии он пытался вернуться в Моравию и возродить дело святых братьев, но неудачно.

Дальнейшая жизнь его прошла в странствиях – нигде он так и не обрел утраченной родины. Исследователи находят его следы в различных славянских землях – Болгарии, Хорватии, Албании, Польше.

Еще один ученик святых братьев, Ангеларий, согласно предположениям исследователей, также был славянином, родившимся в Византии. В числе других он был выбран святыми Кириллом и Мефодием для участия в Моравской миссии.

По кончине святого Мефодия, Ангеларий вместе с другими ближайшими учениками святых братьев был заключен в темницу, а затем изгнан за Дунай. Вместе с Климентом и Наумом добрался до Болгарии, где все они были с радостью приняты царем Борисом. Все вместе они поселились в тогдашней столице Болгарского царства – Плиске. Но перенесенные испытания так сказались на святом Ангеларии, что вскоре он скончался.

Очень мало сведений дошло до нас об ученике святых Кирилла и Мефодия – святом Савве. Он с самого начала участвовал в Моравской миссии, затем сопровождал святых братьев в Рим. Впоследствии, уже после преставления святого Мефодия, Савва вместе с другими ближайшими учениками святых братьев был заключен в темницу, а затем изгнан за Дунай. Впоследствии он проповедовал на юго-западе Болгарского царства.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Слово ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиерея Иоанна Янышева, сказанное в Исаакиевском соборе, в день святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, в присутствии славянских гостей 11 мая 1867 года

В день памяти святых первоучителей и просветителей славянских, в нынешнее особенное празднование этого дня, к которому Промысел из-за отдаленных окраин нашего Отечества привел в Петроград иноземных и отчасти иноверных нам наших славянских братьев, – в этом священном собрании, в котором многие из них, даже из тех, которые не принадлежат к одной с нами Матери-Православной Церкви, пришли однако же принять родственное участие, откуда может взять свое начало наша беседа, как не от воспоминаний всем нам равно близких общих первоучителей наших, и к чему должна располагать нас, как не к тому, чтобы по наставлению апостола всех языков подражать вере своих просветителей?

Тысячу, несколько более чем тысячу лет тому назад родные братья, святые Кирилл и Мефодий, по воле греческого царя Михаила и по благословению Константинопольской Церкви явились в славянские земли, в Болгарию, в Моравию, а еще позже, уже по

смерти святого Кирилла, один Мефодий в Паннонию, к нашим предкам, которые или находились в язычестве, или были вынуждаемы принять христианские догматы и богослужение на непонятном для них языке от окружающих их с Запада других народов, принявших христианство от Римской Церкви.

Зная, как недостаточна одна устная проповедь для христианского образования целых народов, и не находя грамотности у наших предков, новые апостолы создали азбуку – кириллицу, перевели на родной нам язык Слово Божие и богослужебные книги, научили наших предков читать и разуметь читаемое, научили их молиться и находить силу и утешение в молитве, научили веровать, как веровала вся древняя Апостольская Церковь и жить по этой вере. Говорить ли, что перестрадали наши первоучители за то преимущественно, что, уча славян на родном их языке, они тем самым полагали основание их самостоятельному духовному развитию, их нравственной и гражданской самобытности, которая не поддается иноземным насильственным влияниям, полагали основание их будущему духовному и гражданскому величию, к которому не может не прийти племя многочисленное, как песок морской, населявшее и тогда едва не десятую часть всего мира, племя которое с такою жаждою принимало в свою духовную жизнь начала евангельские? Довольно сказать, что святые Кирилл и Мефодий, подобно апостолам, подвизавшимся

в жизни, подобно им же положили и души свои за христианское на родном нашем языке просвещение.

За то они и оставили всем славянам, в том числе и нам, залог, без которого мы не знаем, существовали ли бы ныне на земле народы славянские, с их настоящим умственным и социальным развитием, не знаем, что было бы и со вселенскою православною истиною веры. Не будь в свое время создана грамотность славян на их почве, разве замедлили бы на ней явиться, как это уже и было при святых Кирилле и Мефодии, учителя иноземные, которые поспешили бы привить к нашим предкам грамотность чуждую? Не будь у них учителей веры вселенской, апостольской, разве не явились к ним, как это и было во время подвигов наших первоучителей, проповедники иноверные, уклонившиеся от вселенской правды и водившиеся интересами чуждыми для славянских народов? Не будь положено в Библии и богослужебных книгах непоколебимого основания слову и письменности славян, а, следовательно, и их самосознанию народному, их жизни самобытной, разве не могло бы со всеми ими и нами случиться то же, что случилось с единоплеменными нам, и увы, по имени более не существующими народами, некогда населявшими Померанию, Селезию и многие другие страны Европы и Азии? Слово и мысль каждого отдельного человека, самосознание и личность его нераздельны между собой. Слово и мысль об-

щественные, самосознание и самобытность народные, также неотделимы друг от друга. Дав нам письменность, притом с Богооткровенным содержанием, на родном языке, основав Церковь с ее общественным учением и богослужением на родном языке, святые первоучители наши благодатью Святого Духа положили начало нашему спасению вечному и вместе нашей самостоятельности на земле среди других племен и народов. Большого дать никто не может своему потомству. Поэтому они наши не учителя только, но и отцы, и всякий, кто считает их отцами, есть наш брат и притом вдвойне: брат кровный – по плоти, брат духовный – по участию в наследии жизни вечной. Поэтому, братия, если когда, то сегодня так сладок нам голос Церкви: «возлюбим друг друга да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа»!

Но доброе начало есть только половина дела, и здоровое семя, брошенное даже на лучшую почву, может или загдохнуть или принести совсем не те плоды, которые ожидали сеятели. С памятью о святых Кирилле и Мефодии, поэтому, невольно вспоминается нам, русским, весь великий сонм их преемников по славянскому просвещению, начиная от святого равноапостольного князя Владимира и великого князя Ярослава, Антония и Феодосия Печерских, преподобного Нестора летописца, через ряд веков, до современных нам подвижников славянского дела христианской науки и благочестия,

которые на троне и в церкви, в обителях и на стогнах, в школе и бедной хижине поселянина, на всех концах страны русской словом и делом пользовались трудами первоучителей, чтобы евангельская истина как можно более возвещалась между нами на русском языке, чтобы она глубже и всесторонне проникала в славянскую жизнь, чтобы сознание народное крепло в каждой славянской душе, чтобы воспитание народа к лучшему будущему не уклонялось на ложные пути, так искусно заготавливаемые врагами нашей нравственной и материальной независимости...

Исчислить кто и что для этой цели успел сделать в мире славянском невозможно. Что касается, в частности, до нашего русского мира, то это и не нужно. Венец благодеяний христианства, принесенного в наше Отечество при посредстве трудов святых Кирилла и Мефодия, составляют безмерные блага Духом Святым... сотни тысяч экземпляров Евангелия на языке для всех понятном – к этому стремились и наши первоучители, – распространяемые ежегодно в России, деятельная забота о здравом просвещении всего народа: все это такие плоды от семени Слова Божия, посеянные первоучителями, выше которых общественная жизнь ничего представить не может. Дорогим же нашим гостям, славянским братьям, кроме того, мы могли бы сказать: посмотрите наши грады и веси, сколько в них святых храмов Божиих, чудных обителей иноческих

благоукрашенных, часто даже и там, где сами строители их имеют едва насущный хлеб, и в каждом из этих храмов слышатся язык святых Кирилла и Мефодия, или полюбопытствуйте узнать сколько на Святой Руси есть домов призрения, богаделен, лечебниц, где правая рука не знает, что делает левая, как научили нас первоучители наши во имя Христово, сколько рассеяно по всей русской земле школ, хотя и не мудреных, явившихся особенно в последние годы, где грамотность, насажденная святыми Кириллом и Мефодием, худо ли, хорошо ли, изучается по силам, не говоря уже о высших рассадниках христианской науки! А что сказать о тех делателях и делательницах на ниве Господней, которые то как известный многим из нас слепец или иной какой неведомый странник, то как, по несчастию, не довольно известные целые общины сестер милосердия, отдали себя всецело на деятельное подвижничество в мире и служат Христу в лице меньших Его братий: что сказать о целом сонме братств, по разным краям России возникающих, для поддержания древнего правоверия, русской грамотности, и для взаимного братского вспоможения! Вот и здесь среди нас вместе с Церковью чествуют память святых Кирилла и Мефодия члены братства под покровительством этих святых трудящегося на пользу Церкви и Отечества. Но зачем на все это указывать? Пусть наши гости сами попытаются заглянуть в душу кого угодно из русских

православных людей и они узнают живо ли в нас чувство братства, бескорыстное, безотчетное к своим единоплеменникам, как бы они ни назывались, и даже к какому бы христианскому вероисповеданию они ни принадлежали! Как грустно при этом вспомнить, что в иных славянских странах такие люди как Иоанн Гус и Иероним, спасая своих соплеменников от иноземных заблуждений и влияний, не имели случая восстановить их духовное единство с православным славянством.

Но не будем касаться этой стороны жизни, хотя и родственных нам племен, но по попущению Промысла Божия поставленных в другие условия общественные и религиозные, чтобы не напомнить собою фарисея, который в храме Божиим говорил: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как другие». Нет, братия, если мы указываем на нечто доброе в недрах Русской Церкви, то только для возвышения чувства нашей признательности к святым просветителям славянским и их последователям, для доказательства нашего духовного родства со всеми теми, кто вместе с Церковью чтит память и прибегает к молитвам наших первоучителей!

А что и в нашей русско-славянской среде кроется много, очень много духовных нужд и ран, быть может, труднее излечимых, чем в другой какой славянской стране, то можем ли мы не видеть этого и скроем ли это от братьев своих и от своей совести, и притом здесь – в храме Божиим?

И, во-первых, давно ли мы вспомнили как следует о своих общеславянских первоучителях? Даже и теперь, в нынешний день, весь ли русский народ, все ли, по крайней мере, образованные представители его, сознают и празднуют подвиги этих святых, как нашу славу в прошедшем, и как наш пример в будущем?

Во-вторых, из самого Слова Божия, которое святые первоучители признали уже в свое время необходимым переложить на живой родной язык, чтобы оно было по возможности ясно и вразумительно верующим, из этого самого живого слова не делаем ли мы часто буквы, которая и сама в себе непонятна, потому что вышла из народного употребления, – и ценится так мало, читается даже в общественных собраниях, в храме с такой механической небрежностью, что вместо духа жизни слышатся одни звуки, вместо молитвы – одно невразумительное многоглаголение. И мы все еще остаемся к этому совершенно равнодушными, как будто так всегда было и должно быть, как будто, что молитва, что другой какой поденный неизбежный труд, всё – равно: в одном этом довольно общем у нас небрежном обращении с библейским словом, и притом в общественных собраниях, в храмах, какая бездна религиозного невежества!

В-третьих, давно ли, да и теперь достаточно ли общее внимание обращено на то, чтобы каждого крещеного христианина научить молитвам, хотя бы самым кратким, истинам

Евангелия, хотя бы в самых элементарных обязанностях жизни, хотя бы в самом неотложном и обыденном? И сколько миллионов, даже десятков миллионов славян относительно и этого малого, элементарного обучения коснеют в непроходимой тьме!

А от этого недостатка нашего самосознания и просвещения Словом Божиим, что выходило и выходит? То, что и в нашей русско-славянской семье далеко еще нет той нравственной крепости и того сознательного единодушия, которые были бы так желательны не только внутри каждого отдельного славянского племени, но и во всем славянском мире. Выходит, что и из нас, из нашей русской семьи, один из за невежественного понимания буквы религии образует враждебную всем прочим секту или толк, другой уклоняется то в ту, то в другую сторону к иноземным верованиям, там славяне не в силах противостоять напору магометанства, в ином месте чуть не уступают даже языческой пропаганде. Упомянуть ли уже о том, какие опустошения производит среди русского народа на гибель даже и его потомству пьянство, грубость нравов, предрассудки! Мудрено ли после этого, что иноплеменные нам соседи могли, и, пожалуй, еще могут смотреть на славян, как на варваров, на их веру, чуть не как на идолопоклонство, на их землю, как на свою, раньше или позже, несомненную добычу!

Ах, братия, «поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие и подражай-

те вере их». Если святые Кирилл и Мефодий точно наши учителя и отцы, будем же их действительными учениками и детьми, посвятим все лучшие наши силы и средства прежде и более всего на просвещение себя и своих братий Словом Божиим, на воспитание себя и меньших братий не столько к внешним подвигам в будущем, сколько к внутренним доблестям, которыми так справедливо гордятся некоторые иноверные и иноземные народы, – каковы правдивость во всем, честность, трудолюбие, трезвость, а с этим и готовность на всякое благое и богоугодное дело, чтобы имя славянское пользовалось справедливым уважением среди своих и чужих, чтобы вера славян, Церковь Православная светилась в чадах своих, и являла в них тот дух вселенской истины, которому не страшны и не опасны никакие частные религиозные мнения, или новоизмышленные догматы, и тот дух вселенской любви, пред которым исчезают всякие национальные и племенные преграды и пред которым *нетъ иудей, ни еллин: нетъ раб, ни свободъ: нетъ мужеский пол, ни женский: вси бо вы едино есте о Христе Иисусе* (Гал. 3: 28)

«Отче праведный, молился наш Спаситель, оставляя мир сей, – *да вси едино будут, якоже Ты во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут. И сказах им имя Твое, и скажу: да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них*». Аминь.

**Слово в день тысячелетия кончины святого
Кирилла, просветителя славян, 14 февраля
1869 года, сказанное в Исаакиевском собо-
ре ректором Санкт-Петербургской Духовной
Академии протоиереем Иоанном Янышевым**

Тысяча лет, целая тысяча лет уже протекла, как скончался святой Кирилл, в мире Константин Философ, основатель славянской письменности и наш первоучитель, – а мы только начинаем припоминать его святое имя. Сколько же лет прошло, как сыны России, предки наши, стали учиться своей родной грамоте, а с нею слышать весть о спасении мира Сыном Божиим, устроить храмы истинному Богу, созидать свой государственный строй и спасать свои души от тьмы язычества, – а мы только в последние годы начинаем от времени до времени малыми собраниями да и то лишь в немногих местностях обширной христианской России чтить память своих первоучителей! Да и ныне, в этот торжественный день тысячелетия кончины преподобного Кирилла, многие ли русские православные христиане, все ли, по крайней мере грамотные, даже из грамотных – все ли просвещенные заботящиеся об общественном благе, обращены, благодарной мыслью своей и молитвой к своему первоучителю?

Загадочное явление! «Вол знает стяжавшего его и осел ясли господина своего». Ужели русского человека нужно обличать в недостатке чувства религиозной признательности, когда он

целые сотни верст готов идти пешком, в посте и молитве, чтобы воздать благодарное поклонение останкам оказавшего ему милость угодника Божия, когда он из рода в род передает религиозное благоговение к источнику ключевой воды, через который по его вере послана ему помощь свыше? Нет, слушатели благочестивые, наша речь в настоящую минуту не к той среде православного народа из которой и сегодня многие, без сомнения, прибегают к молитвам преподобного Кирилла, как угодника Божия, вовсе не зная его заслуг для славянского мира, и молились бы ему еще теплее и сознательнее, если бы имели понятие об этих заслугах. Более или менее учившиеся родной письменности, более или менее просвещенные классы русского общества, люди со значительными материальными средствами, педагоги и преподаватели разных наук, во власти которых умы и сердца русского, тоже имеющего принадлежность к классу просвещенных юношества, лица более или менее участвующие в разносторонних отправлениях государственной жизни и, следовательно, более или менее понимающие цену общественного преуспевания, они все, они почему так мало помнят своих первоучителей? Словом! Большинство общества нашего, образованного общества, почему так равнодушно к их памяти?

На этот именно вопрос так хотелось бы в настоящие минуты предложить ответ, такой ответ, из которого были бы понятны условия, при которых, по крайней мере, в будущем можно

ожидать большего сознания и лучшей оценки заслуг для нас святых первоучителей.

С именами святых просветителей славянства нам всегда и невольно припоминаются единокровные нам племена вне России, племена, разделенные между собой, страдающие под разнородными враждебными влияниями, угрожаемые той же гибелью, какая постигла уже окончательно некоторые из них на севере Германии. Не сочувствие ли к этим страждущим братьям, ожидающих от вас сочувствия и ободрения в своих страданиях, напомнило и многим из вас, слушатели, в день тысячелетней памяти святого Кирилла и собрало сегодня под его знамя на молитву к общему нашему Отцу Небесному? И если так, если это прекрасное естественное чувство сострадания делает для вас дорогим имя великого первоучителя всего славянского мира, то не отсутствие ли этого чувства, не отсутствие ли сознания нашего племенного единства с прочими славянами, не недостаток ли вообще развития национального чувства составляют причину того, что наше общество равнодушно к памяти святых просветителей. Но кто осмелится сказать это о нем, и можно ли говорить, когда мы знаем, например, политический гений Петра Великого, так ясно понимавший родство наше и значение этого родства со славянскими племенами, что подвиги на Востоке времен Великой Екатерины не раз шевелили все струны кровных симпатий наших к славянам, а между тем имена святых первоучителей остава-

лись и тогда в полном забвении? Почему же не вспомнились и тогда эти великие общеславянские имена?

В том-то и состоит скорбь Церкви Христовой, в том-то и несчастье нашего русского общества, что забвение им святых первоучителей имеет более глубокую, чем всякие внешние или политические отношения, потому не скоро и не легко устранимую причину, которая должна бы вызвать всякого русского, всякого славянина на серьезные размышления. Даже в трудах людей, с особенною любовью занимающихся изучением судьбы единоплеменных нам братьев, даже в эти дни, когда в нашей печати слышалось предупреждение о значении настоящего дня, имя святого Кирилла приводит только к мысли... или о славянской грамотности, или литературе и науке, или о племенном естественном родстве славян, об их самостоятельности среди других народностей, тогда как наши первоучители, трудясь над составлением славянского алфавита и переводя на славянский язык Священное Писание и православное богослужение, думали совсем о другом: они заботились только о распространении между славянами Царствия Божия, того Царствия Божия, в котором находят себе место и эллины, и иудеи, и рабы, и свободные, и которое призвано обнять собой весь человеческий род, одинаково созданный Богом и так возлюбленный Им, что Он послал в мир Своего Единородного Сына, *да всяк веруя в Него не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3: 16).

«Ищите прежде Царствия Божия и правды его», – говорит нам Евангелие, переведенное для нас святыми первоучителями, «и сия вся» – все необходимое для нашего земного благоденствия, – «приложится вам». Только тот истинно дорожит памятью святых первоучителей, кто дорожит не оболочкой, так сказать, их дела – славянской буквою, и не ожидаемыми когда-то политическими последствиями этого дела, а самим делом распространения Царствия Божия, которое проникает собой чью бы то ни было народную жизнь, развивает ее до полной естественной зрелости, твердости, самостоятельности. Грамотность, литература, наука имеют неоспоримо великое значение в народном развитии. Но если этой грамотностью владеет грубая или дерзкая рука славянского же врага? Если эта литература шевелит и поощряет страсти и без нее так мертвящие благородные стремления человеческого духа? Если в этих науках проводятся начала, вызывающие не на труд, не на правду, мир и любовь, а на взаимную борьбу самолюбий всех и каждого? Может ли такая письменность вести к народному развитию, к народной самобытности? И что это за самобытность народа, не проникнутого единомыслием и единодушием? Мысль человеческая, как ни высоки и могучи полеты ее, как ни стройно и логично словесное выражение ее, производит в сознании только то и влечет волю только к тому, чем дорожит сердце: «от сердца человека мышления его». И что же святой Кирилл имел

ввиду, когда создавал нашу грамотность? Чего, по его мнению, недоставало нашим предкам славянам? Им, как язычникам с грубыми нравами, недоставало ни чувствования, ни понимания именно лучших благ человеческого существования, недоставало ни той личной нравственной свободы, которая не порабощается страстями, но и не гибнет ни под каким физическим насилием, ни того уважения и любви к человеческому достоинству ближнего, которое заставляют ценить его блага и права, как свои собственные, ни того сознания необъятной важности взаимных общих интересов и того сочувствия им, которые рождают готовность жертвовать всякими личными благами, даже самой жизнью за общественное дело, – короче сказать, им недоставало духа христианского, их надлежало, по выражению, приписываемому самому святому Кириллу, «отучити жития скотска и похотей» (рукопись из библиотеки Гильфердинга). Нам конечно же не нужно здесь доказывать, что все исчисленные блага жизни, составляющие основу общественного благоустройства и процветания, составляют вместе и сущность христианской жизни, что они впервые явлены миру во всей их силе и величии вочеловечившимся Словом Божиим, были выяснены Его учением, жизнью, страданием, смертью, наследованы Его апостолами, а через них возведены и насаждены везде, где есть только начатки Церкви Христовой, Царствия Божия. Вот это то именно Царствие Божие, которое, прежде всего, по

слову Божию, внутри нас есть, созидается из наших чувствований, стремлений и помыслов, которое потом с неотразимой силой вырежется в нашей внешней жизни, в счастье семейном, в благоустройстве и процветании общественном, наши первоучители хотели насадить в мире славянском, и тем положить начало его общественного, народного развития.

Что же, довольно ли мы сознаем, довольно ли сознает наше общество эту жизненную образовательную силу христианства, питаемую и умножаемую по мере изучения слова Божия, по мере общения со Спасителем в Таинствах веры и любви, по мере участия во всей церковной жизни? Не будем говорить о временах прошедших, но и в общественной жизни настоящего времени бросаются в глаза странные явления, невольно заставляющие неизвестность многим образованным того простого факта, что развитие нашей письменности и образования совпадают с введением у нас христианства, — той простой истины, что действительное просвещение и христианское развитие в сущности суть одно и то же, вместе составляет единственное условие всех высших, как личных, так и народных, как временных, так и вечных благ. Я разумею это раздвоение в понятиях и в жизни общества: между верой, которая всегда по Слову Божию должна быть разумна, и наукой, которая есть дело того же разума, и в свою очередь немыслима без таинств природы и человеческого духа, между духовным и прочими, как будто

лишенными духа сословиями, между Церковью и, так называемым, светом, как будто в христианском мире может быть еще какой-нибудь свет, независимый от единого Отца светов, между делами веры... и делами обыкновенной жизни – как будто вера и все какие бы то ни было наши дела не должны истекать вместе из одного и того же живого и неразделимого настроения всей нашей личности, нельзя не указать также на умалчивание обо все этих всеобъемлющих началах христианства нашей недуховной печатью, нашими непризванными судьями о народном просвещении и попечителями общественной нравственности, нельзя не указать особенно на наше всеобщее равнодушие к положению сословия, призванного, прежде всего, к этой просветительской деятельности и все еще, как издавна, находящегося почти в невозможности без особенной чудесной помощи удовлетворять долгу своего звания. Уже одного этого последнего факта было бы достаточно, чтобы видеть, как мало мы понимаем значение христианства для жизни. А если так, если нам не ясно и не дорого значение самого христианства, то судите сами: можем ли мы дорожить памятью наших первоучителей в христианском просвещении? Разве можно заставить себя помнить то и воодушевляться тем, что нисколько не затрагивает нашего чувства и не возбуждает в нас никакого стремления?

Откуда же к нам, в наше общество, занесены это раздвоение между светским образованием и

христианским просвещением, этот разлад между стремлениями духовной и светской жизни и науки? Очевидно, не от самого христианства. Христос Спаситель пришел в мир не разделять и расточать, а собирать расточенное и соединять разделенное: мир и любовь – эти слова, так сказать, не сходили с Его божественных уст, а чтобы любовь не могла как-нибудь уступить место эгоизму и разделению в христианском обществе, Он поставил ее первым существенным признаком всякого верующего (о сем разумеют все, яко Мои ученики есте, аще любовь имате между собою) и охранение неповрежденности всего Своего учения вверил лишь взаимной любви между собою верующих..., так что где нет любви между членами Церкви, там не может быть и истины, а где есть истина, там она непременно выражается в любви. Откуда же в недрах христианского общества такое непонимание христианства, видимое отчуждение от него, иногда даже вражда к нему?.. От этих-то именно бедствий ложного христианства, когда оно только зарождалось в Риме, от этого-то порабощения латинством спешили спасти славянский мир святые Кирилл и Мефодий, научая его самостоятельно пользоваться Словом Божиим и преданием Церкви, предлагая ему молитвы и все богослужение на родном для него языке, помогая ему таким образом под кротким влиянием Православной Церкви свободно развивать свою мысль, совершенствовать свой язык, устроять свою самобытную частную и обществен-

ную жизнь... По поводу этих-то преследований со стороны латинского духовенства должен был и святой Кирилл из Моравии путешествовать в Рим, где, хотя и успел тогда еще отстоять свое дело, но, изнуренный трудами и скорбями, с молитвой к Богу о преуспевании насажденной Церкви между славянами, с нежной просьбой к своему брату – любить славян и продолжать начатое дело – предал дух свой Отцу Небесному.

Как же это случилось, что мы забыли даже имя святого Кирилла, доселе не успев оценить насажденного его трудами Православия у себя самих, успели, однако же, усвоить себе горькие плоды, возвращенные его врагами на Западе, заразиться отчуждением только там и понятным от самого христианства и, несмотря на то, что сам Запад во многом исправил свои заблуждения, во многом и многом снова успел опередить нас, доселе остаемся как будто в стороне к задаче христианства, и именно православного христианства на нашей родной, русской, славянской почве? Не будем, однако же, преждевременно допрашивать историю последних столетий и испытывать пути Господни. Напомним только себе самим, постараемся и впредь не забывать, что Россия, несмотря на все, по-видимому, непреодолимые вековые порабощения и политические невзгоды, осталась самостоятельным и могучим государством..., если, наконец, вера в великую будущность России и всего православного славянства в нас крепка и непоколебима, то все это в значительной, весьма значитель-

ной доле, благодаря Православию, насажденному между нами трудами святых Кирилла и Мефодия.

Да, Православная, только Православная Церковь, хранящая с благоговением, как зеницу ока, богодарованный ей залог истинной любви, не знающей, не различающей между своими членами никаких партий, чуждая, как царство не от мира сего, всяких политических стремлений, всегда верная кроткому, любвеобильному, долготерпеливому, Божественному Лику Спасителя своего, отобразившемуся и на ее канонических и обрядовых учреждениях, только она умеет ценить общественное благо выше всякого частного, радоваться всякому истинному преуспеянию своих пасомых, ради их счастья забывать о своих собственных ближайших нуждах; но более всего только она, по примеру своего Божественного Основателя умеет страдать, долготерпеливо страдать с страждущими членами своими. Так понимает ли и ценит свою Церковь наше общество? Ах, если бы оно так понимало и ценило ее, могло ли бы оно забыть те великие личности, которым весь славянский мир, прежде всего, обязан Православием?

Правда... русское общество, более чем когда-либо, начинает чувствовать нужду в действительном христианском образовании всех и каждого в Отечестве, и, вместе с этим, начинает ценить зиждительную и просветительную силу Церкви Христовой, но зато не с этого ли же именно времени начинает возникать в

России память первоучителей наших? Потому-то можно надеяться, и даже положительно утверждать, что на будущее время, по мере того, как весь русский народ и другие славянские племена будут более понимать силу и значение своего христианского звания и устроить свою общественную жизнь на одних и тех же православных началах правды и любви, по мере того, следовательно, как наше племенное родство будет одушевляться единством мысли, единством чувств и стремлений во всех существенных вопросах жизни, и семя православного христианства, более и более разрастаясь на славянской почве, как райское древо жизни осенит собою все славянские народы – по той же мере и бессмертные имена святого Кирилла и достойного брата и сподвижника его Мефодия все яснее и величественнее будут подниматься и сиять на горизонте славянского неба, пока не сделаются наконец символом нашего действительного единства, не кровного только и преходящего единства, но сознательно-духовного, и потому полного и никакой физической силой вовеки неразрушимого, как вовеки «николиже отпадет» сама христианская любовь.

«Ищите же», братия, «прежде Царства Божия и правды его, и сия вся приложатся вам». Аминь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Мысль, 1997.
2. Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.
3. Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 2003.
4. Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. М.: Паломник, 1993.
5. Три приснопамятные слова в память всеславянских просветителей, единокровным и единоплеменным братьям предлагаемые. СПб., 1896.
6. Кравцова М. Ю. Церковно-славянский язык. М.: ПСТГУ, 2005.
7. Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об Отцах Церкви. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.
8. Акафист святым равноапостольным Мефодию и Кириллу. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2009.
9. Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковно-славянский язык. М.: Просвещение: Учебная литература, 1996.

10. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993.
11. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: Экспресс, 1992.
12. Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей. М.: Русские огни, 1994.
13. Родзянко В., прот. Святые Кирилл и Мефодий: Новые археологические данные// Вестник Русского Студенческого Христианского движения. № 70–71. Париж – Нью-Йорк, 1963. С. 73–76.
14. Повесть временных лет//Сайт Библиотеки ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 15.08.2010).
15. Официальный сайт Московского Патриархата. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения 20.08.2010).
16. Сайт история книги. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://maxbooks.ru> (дата обращения 23.08.2010).
17. Сайт Словари и энциклопедии на Академике. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения 21.08.2010).
18. Сайт Голубинский. Настоящая история Церкви. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golubinski.ru> (дата обращения 15.08.2010).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

19. Сайт Седмица ru. (Церковно-научного Центра «Православная Энциклопедия») – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sedmitza.ru> (дата обращения 01.09.2010).
20. Сайт Православие. ru. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения 30.08.2010).
21. Сайт Наука – это жизнь: Архив журнала Наука и жизнь. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka.relis.ru> (дата обращения 29.08.2010).
22. Сайт Српска.ру. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://srpska.ru> (дата обращения 30.08.2010).
23. Сайт Русские святые. – 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saints.ru> (дата обращения 16.08.2010).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Житие святого равноапостольного Кирилла	5
Детство	5
Годы учебы	8
Константин-Философ	11
Посольство к Сарацинам	14
Удаление в монастырь	19
Подготовка к Хазарской миссии	20
Диспуты с иудеями	25
Беседа с каганом	34
Возвращение в Константинополь	36
Подготовка Моравской миссии	40
Миссия в Моравии	43
Путешествие в Рим	46
В Риме	49
Кончина и погребение равноапостольного Кирилла	51
Житие святого равноапостольного Мефодия	54
Детство и юность	54
Военная карьера и отречение от мира	55
В тени великого брата: участие в Хазарской миссии	58
В тени великого брата: Моравская миссия	62
В тени великого брата: путешествие в Рим	65
Мефодий – архиепископ Моравии и Паннонии .	69
Гонение на святого	72
Возвращение на служение	75
Новые нападки и путешествие в Рим	78
Визит в Константинополь	85

СОДЕРЖАНИЕ

Последние годы жизни и кончина святого Мефодия	87
ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ.....	91
Почитание святых Кирилла и Мефодия в Русской Церкви	91
Кирилло-Мефодиевские чтения	98
Форумы «Кирилло-Мефодиевских чтений»	99
Почитание святых Кирилла и Мефодия в Болгарии	102
НАСЛЕДИЕ	107
Церковно-славянский язык	109
Азбука	110
Грамматика	115
Сочинения	116
Азбучная молитва.....	117
АКАФИСТ СВЯТЫМ РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ МЕФОДИЮ И КИРИЛЛУ, УЧИТЕЛЕМ СЛОВЕНСКИМ.....	120
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Выступления Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по случаю открытия Дней славянской письменности и культуры.....	141
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла за Божественной литургией в Храме Христа Спасителя 24 мая 2010 года	141
Слово Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии открытия Дней славянской письменности и культуры	145
Патриаршее приветствие участникам и гостям концерта в Государственном Кремлевском дворце по случаю празднования Дня славянской письменности и культуры.....	147

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение 2. Судьба Моравской миссии.....	152
Приложение 3. Ученики святых братьев	155
Святитель Климент	155
Преподобный Наум.....	158
Константин	160
Другие ученики святых братьев.....	161
Приложение 4.	164
Слово ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиерея Иоанна Янышева, сказан- ное в Исаакиевском соборе, в день святых равно- апостольных Кирилла и Мефодия, в присут- ствии славянских гостей 11 мая 1867 года.....	164
Слово в день тысячелетия кончины святого Кирилла, просветителя славян 14 февраля 1869 года, сказанное в Исаакиевском соборе ректо- ром Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиереем Иоанном Янышевым	173
Список использованных источников	186

НОВЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ВИДЕОПОРТАЛ!

ВИДЕО
ПАЛОМНИК.RU

WWW.VIDEOPALOMNIK.RU

РАССКАЖИТЕ В КАМЕРУ О СВОЕМ ХРАМЕ,
ЕГО СВЯТЫНЯХ, ПРИХОЖАНАХ, БАТЮШКЕ
И ЕГО НУЖДАХ,
БЕСПЛАТНО РАЗМЕСТИТЕ НА ЭТОМ ПОРТАЛЕ
И ПОКАЖИТЕ ВСЕМУ МИРУ

Серия «Причастники Божественного света»

СВЯТЫЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Дорогие читатели!

Просим простить за возможные допущенные опечатки.

Издательство "Благовест" с благодарностью
примет Ваши отзывы и указания
на замеченные ошибки

Составитель: Маркова А. А.

Редактор: Плюснин А. И.

Технический редактор: Дудкин И. В.

Корректоры: Калинкина О. И., Плюснин А. И.

Верстка: Кожухова Е. И.

Дизайн обложки: Криницын О. В.

Подписано в печать 28. 04. 2011. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Гарнитура «NewBaskervilleC».

Бумага офсетная. Печ. л. 6. Тираж 7 000 экз.

Заказ

Икона «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий»
на лицевой стороне обложки выполнена
Валентиной Муренковой

Издательство «Благовест»

Адрес: 123182, г. Москва, ул. Авиационная, дом 13

Отпечатано ОАО ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, дом 2

e-mail: idelpress@mail.ru

www.idel-press.ru

**ПОСЕТИТЕ ФИРМЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
издательства «БЛАГОВЕСТ»**

WWW.BLAGOVEST-MOSKVA.RU

**много разных книг и икон, акции и скидки для
ОПТОВЫХ И РОЗНИЧНЫХ покупателей**